

Архимандрит Таврион (Батозский): Слово на всенощной в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы

Проповедь

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТОГО ДУХА! Слушая сегодня благоговейное пение, мы переносимся в то время, когда совершалось великое таинство Благовещения Пречистой Богоматери.

Как, с каким чувством люди приходили в церковь? А что в церкви пели? Вот мы сейчас будем петь то, что всегда пели в церкви Божьей: «Хвалите имя Господне, хвалите, раби Господа. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа». Вот видите, мы пропели священную песнь, с таким чувством человек приходит в церковь, где и теперь благоговейно поют о том, как природа славит Бога. Мы с вами остановимся на радости и великом таинстве Воплощения Сына Божия. С чего начинается радость нашего спасения? Является архангел и, приветствуя Пречистую Деву, говорит: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою». Начинается Евангелие, начинается спасение человечества, начинается мое спасение. Смотрите, что Святая Дева говорит: «Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем». Обратите внимание: какая взаимность! Ангел говорит: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою». А вот Ее слова «Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем». Это святая святых. Даже природа становится богоподобна, как бессмертная душа человеческая. Только в этой красоте, в этой полноте и святости человек находит смысл своего бытия. В приветствии Архангела мы видим, как Господь почтил человека. Посмотрите, насколько достоин, насколько велик, насколько прекрасен человек! А в чем же человек находит свою радость? В том, «что призрел Он на смирение рабы Своей; ибо отныне будут ублажать Меня все роды». Смирренная жизнь Пречистой Девы сделала Ее достойной стать Матерью Господа. Вникните в содержание слов: «Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем». В той песне, которую мы с вами пели, сказано о том, как душа человеческая жаждет Бога, с какими трудностями, с какими скорбями она приходит пред лицо Божие. Точно так же и Богоматерь раскрывает святая святых души Своей. Точно так же каждый человек радуется в надежде, когда он прочувствует благодатную радость, увидев свое предназначение на жизненном пути, если он исповедует истинную веру в Бога. Точно так же, как Пречистая Дева, он радуется тому, что призрел Господь на смирение раба своего. Слова же Богородицы «Величит душа Моя Господа» раскрывают всю глубину Ее веры. Это означает: люди, радуйтесь тому, что Господь, Спаситель наш, с нами. Вот величайшая красота, вот содержание, вот Царство Божие, вот вечность жизни в Боге, вот что составляет сущность человеческого бытия. Человек только на этом может строить свою жизнь, ее понимать, выполнять свое предназначение и быть для других тем, к чему он призван. Сколько великих радостей, великих тайн раскрывает перед нами таинство Благовещения! Вот видите, как Господь приходит, не как-нибудь, а совершая необычайное чудо, чтобы привести всех людей к вере. В словах «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою» никто ни в чем не убеждается, а только раскрывается правда, сущность этой благодати. И Пречистая Богоматерь, идя на этот подвиг, принимая его, говорит: «Возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем». Она радуется этому спасению. Вот так же каждый из нас должен осознавать великую свою радость, как дитя Божие, великую возможность этой благодати, потребность в ней. Каждый человек должен иметь опору в радости о Боге, Спасителе своем. Вот в чем должна заключаться наша радость. И если бы мы могли так же радоваться о Боге, Спасителе нашем, то, наверное, у нас не было бы недостатков,

и мы бы уже здесь, на земле, жили в Царствии Божиим. Ведь Господь, Спаситель наш, Сам сказал: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем; ... ядущий хлеб сей жить будет во век». Вот видите, вы пришли сюда. А ради чего вы сюда пришли? Ради Чаши Христовой. Чаша Христова раскрывает перед вами всю полноту своей спасающей силы. Она принимает всех, совершая великое таинство посвящения, примирения, совершая великое таинство обожествления вас. Почему каждый из вас именно к этому и стремится? Это является центром нашей истинной христианской веры, нашим истиннейшим, лучшим желанием прийти в эту обитель, посетить ее. Мы все к этому стремимся. И завтра мы будем переживать это великое таинство. И по тому чувству, по тому желанию, по той мольбе, с которыми мы сюда придем, мы и получим благодать от Господа нашего. Господь преизобильно дает нам Свою благодать. И мы с вами должны стремиться жить в этой благодатной жизни, удержать эту благодать. И примером здесь нам служит Пречистая Богородица. Для того, чтобы нам преисполниться благодати, мы должны чувствовать радость о Боге. Апостол Павел говорит нам о том, чтобы мы постоянно радовались о Нем, постоянно за все Его благодарили. Особенно в настоящее время мы постоянно должны чувствовать эту величайшую потребность в радости о Боге. Но вы не должны думать, что мир может так преуспеть, что заменит эту величайшую радость. Ничего подобного мир не давал, не дает и не даст никогда! Что может быть славнее того, что человек может принять приветствие Божие? Архангел сказал Пречистой Деве: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою». И это обращение относится к тебе, человек. Какое еще может быть более драгоценное сокровище и радость для тебя, если ты можешь сказать, что возрадовался дух твой о Боге, Спасителе твоём? Сколько в этом кратком выражении для нас с вами надежды на спасение, сколько близости к Богу! Все, что дает нам Господь, мы должны уразуметь всем нашим сердцем, чтобы понимать волю Божию, и стремиться ее исполнить. Тогда каждый из нас действительно поймет свое истинное призвание. И мы должны сделать это наше призвание благодатным. Тогда-то мы и сможем выполнить наше назначение, тогда принесем то, что каждый должен принести по своим обязанностям, тогда мы выполним тот долг, который призвана исполнить церковь Христова. Смысл нашей проповеди не в том, чтобы найти убедительные слова, призывающие к человеческой мудрости, а в том, чтобы каждый из нас почувствовал жажду услышать слова архангела: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою». Каждый должен стремиться к этой благодати, и тогда внутренне мы будем переживать эту величайшую радость, в которой все опоры нашей жизни. Полагая в основу нашей жизни слова Пресвятой Богородицы «Возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем», живя так, стремясь к этому, мы удостоимся именно того, что Господь обещал нам. А Господь обещал радость, блаженство, святость, бессмертие, вечное царство, Царство Небесное. Так вот, будем в нашей жизни руководствоваться всем тем, что открывает нам этот великий праздник Благовещения. Будем жаждать благодати Божией, будем радоваться о Боге, Спасителе нашем. Аминь.

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей во Владимирском соборе (сентябрь 1991 года)

Проповедь

• Годичный цикл проповедей во Владимирском соборе б. Сретенского монастыря публикуется в журнале «Православная община» начиная с № 3 за 1992 г. **26 СЕНТЯБРЯ. СЛОВО НА ИСПОВЕДИ** Братья и сестры! Мы с вами хорошо помним слова Господа нашего Иисуса Христа, обращенные к ученикам: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и

следуй за Мною». Да, тот, кто хочет идти за Ним, должен взять свой крест и следовать за Ним. А нам с вами, братья и сестры, не хватает именно этой самоотверженности в следовании за Христом, не хватает этого мужества, чтобы быть «крестоносцами». Это, может быть, самая большая беда нашей христианской жизни. Самоотверженность и крестоношение — без этого не может быть устройства внутреннего. Это такие два принципа, которые на самом деле распространяются на все в жизни. Все можно делать самоотверженно, а можно и просто по долгу или от сих до сих, а при возможности — и меньше, чем до сих. Так и наше крестоношение часто становится чисто формальным, и чтобы оно стало живым, нам нужно взять на себя подвиг. Мы с вами знаем, как в истории христианства люди брали на себя такие подвиги и буквально переставляли горы. Один человек так много мог сделать! А если два, три, четыре человека — это уже был целый скит, а более — целый монастырь. И сейчас удивляешься иногда, братья и сестры, когда приезжаешь куда-нибудь, где действительно живут два, три, четыре таких самоотверженных человека, несущих свой крест, удивляешься насколько они много успевают, насколько всегда все гармонично, красиво, радостно, светло. И думаешь тогда, почему же у нас этого не хватает? Вроде мы и трудимся, и заботимся о многом, а не можем даже, как говорится, обслужить себя, даже свои житейские дела не можем сделать, как следует. Начинаем раздражаться, злиться, осуждать других, переваливая на них свои беды, свои немощи, свои грехи. Вот, братья и сестры, давайте попытаемся действительно подумать о том, **что** для нас крестоношение? Почему мы не бываем способны к самоотверженности? Ведь сейчас в нашей стране время такое, что без самоотверженности сделать нельзя ничего. Может быть еще можно немножечко сдвинуться как-то самому с мертвой точки, но что-то сделать, послужить ближнему, помочь Церкви Христовой без такой самоотверженности нельзя. Братья и сестры, постараемся с вами вникнуть в подвиг крестоношения, подвиг самоотверженности, самоотвержения. Наверное, у всех нас иногда бывает миг, когда мы вдруг начинаем считаться, хвастаясь своими делами: вот, я сделал столько-то, а ты — столько-то, вот, я достоин поэтому того-то, а ты — того-то. Это всегда, братья и сестры, искушение, потому что невозможно думать, что мы правы в этих счетах. Мы не умеем как следует оценивать ни себя, ни других. И наверное, все-таки лучше всего стараться жить так, чтобы «правая рука не знала, что делает левая», чтобы вся наша жизнь была плодом крестоношения, плодом нашего духовного самоотвержения. Тогда человек с легкостью делает столько, сколько нужно. И он все успевает, и делает все в радости. Мы же знаем, что Крест Христов радостотворен, что несение креста, несмотря на все его тяготы в этом мире, всегда приносит радость, всегда приносит в нашу жизнь свет. Вот почему человек, действительно несущий крест, никогда не бывает в отчаянии, никогда не бывает в расслаблении, никогда не бывает в лени, никогда не теряет времени. И нам с вами, братья и сестры, нужно этому учиться. Если мы согрешили вот этой ленью, этой расслабленностью, то нам нужно покаяться и исправиться, взяв на себя свой крест. Наверное, каждый из нас почувствовал бы себя неловко, если бы ему сказали, что у него очень маленький крестик, самый, самый маленький. И каждый, наверное, стал бы спорить: «Ну как же, ну что вы!» И каждый хотел бы доказать, что его крест далеко не самый маленький, далеко не самый простенький, не самый легонький. В то же время, если вдруг нам действительно выпадает возможность понести свой больший крест, мы тут же начинаем жаловаться, тут же об этом начинаем скорбеть, начинаем от этого убегать в противоречие самим себе. Исправить какую-то ситуацию, кого-то простить, проявить терпение — это же тоже понести крест, братья и сестры. Мы знаем, что крест становится тяжелее тогда, когда мы делим эту ношу, берем на себя крест и ближних наших. Он становится тяжелее и в то же время легче. Господь целиком взял на Себя крест за грех всего мира. Это был самый тяжелый крест, но он был в этом смысле и самым легким, потому что он лишился тяжести мира сего, потому что он весь был соткан из Любви. Вот, братья и сестры, нам с вами нужно каяться каждый день, когда мы не в состоянии понести, помочь понести крест наших ближних. Мы часто ропщем на свой крест и забываем, что отворачиваясь от ближних, мы только отягощаем свои грехи. Братья и сестры, будем стараться, избегая личной гордыни, честолюбия, всего того, что привязывает нас к этому миру,

что мешает нам нести свой крест, обращаться к Богу, обращаться к тайне Креста, чтобы действительно взяв свой крест, отвергнув себя, последовать за Христом. Каждый из вас, подходя за разрешительной молитвой, пусть вспомнит об этой заповеди и как бы даст обещание Христу не забывать о ней. Пусть все нам в жизни о ней напоминает: и образ страдающего ближнего нашего, и наоборот, вещи, очень для нас радостные. Пусть все это перед нами предстанет как напоминание о Христе и крестоношении. Братья и сестры, вот все мы как православные люди несем крест, но часто забываем, для чего мы это делаем. Пусть для нас это явное крестоношение будет отражением сердечного, тайного, внутреннего. Тогда мы сможем расширить свое сердце, и не будет в нем тесно нашим близким, и тем более не будет тесно в нем Самому Господу нашему. Аминь.

27 СЕНТЯБРЯ. ВОЗДВИЖЕНИЕ ЧЕСТНОГО И ЖИВОТВОРЯЩЕГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ. СЛОВО НА УТРАНЕ, ПОСЛЕ ЕВАНГЕЛИЯ (ИН 12: 28-36) Братья и сестры, христиане! Господь наш Иисус Христос, распятый и умерший за грехи всего мира на Голгофе, был снят с креста праведным Иосифом Аримафейским и положен в пещере в саду, находившемся недалеко от места распятия. Иудеи там же, на Голгофе, зарыли в землю и Крест Господень. Когда возносится от земли Христос, тогда все верные привлекаются к Нему, тогда князь мира сего изгоняется вон. И это, братья и сестры, происходит каждый раз, когда прославляется «подножие ног» Христовых — Крест Христов. Вот и сегодня, воздвигая крест в сердцах своих и в душах своих, как и крест телесный, мы тем прославляем Христа и подножие ног Его, становимся привлеченными к Господу, и знаем, что этим князь мира сего изгоняется вон. Братья и сестры, воистину надо верить во Свет. «Ходите, пока есть Свет, чтобы не объяла вас тьма, а ходящий во тьме не знает, куда идет; доколе Свет с вами, веруйте в Свет, да будете сынами Света». Это самое важное для нас обетование Христово. Нам нужно заботиться о том, чтобы не объяла нас тьма, когда ходящий во тьме уже не знает, куда идти, когда он, как слепец, мечется то направо, то налево, когда душа его не на месте, когда она неспокойна, потому что нет Света Креста Христова в такой душе. Братья и сестры, нам нужно ходить во Свете. Нам нельзя сидеть сложа руки, нам нужно ходить пред лицом Божиим, нам нужно жить в Церкви Христовой, которая открыта нам Господом нашим Иисусом Христом. Аминь.

СЛОВО НА ЛИТУРГИИ (1 КОР 1: 18-24; ИН 19: 6-11, 13-20, 25-28, 30-35) Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! «Слово о Кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия». Действительно, братья и сестры, люди обычно ищут в этом мире то, что никак не сходится с нашей верой. Действительно, люди считают нас с вами юродивыми, т. е. уродами, потому что живем мы не так, как они, потому что мы убеждены, что жить надо совсем по-другому. Но в чем же тайна христианской жизни? Почему же мы с вами согласны называться уродами, почему мы согласны нести всякие поношения, всякие унижения, оскорбления в этом мире? Ради чего? Не по собственной же прихоти. Братья и сестры, дело в том, что Премудрость Божия выглядит в этом мире, лежащем во зле, как юродство, как безумие, и символом этого безумия как раз и является Крест Господень. Однажды от одного неправославного христианина я услышал страшные слова, с которыми совершенно невозможно было согласиться. Он сказал: «Зачем я буду почитать Крест? Конечно, я признаю спасение во Христе, конечно, я понимаю, что и Его Голгофа, и Воскресение спасительны, но зачем же Крест? Ведь крест — это орудие казни, орудие пытки, страшное человеческое орудие смерти». Этот человек хотел безумие проповеди о Кресте, о Христе распятом приспособить к миру, с его критериями мудрости и знания, с его критериями чести, почтения, почитания, с его критериями отношения к Богу, как высшему для него Существо. Братья и сестры, не случайно в Писании написано: «Погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну». Господь говорит: «Мои мысли — не ваши мысли». И дальше апостол Павел в Первом послании к коринфянам, которое вы сейчас слышали, так восклицает в полноте своей мудрости, обретенной во Христе и через Христа распятого: «Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего (т. е. мира сего, лежащего во зле)? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?» Воистину, братья и сестры, сколько мы видим вполне разумных и даже по-своему мудрых людей, которые пытаются учительствовать в этом

мире, но их учительство ничего перед Богом и Церковью не стоит. Мы сейчас переживаем такой период нашей истории, когда каждый надмевается своим плотским умом и пытается всем и вся давать советы и всех учить, никак не соотнося это учение с высшей Правдой и Истиной Божьей. «Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих». Действительно, братья и сестры, без веры принять Крест Христов и проповедь о Кресте, юродивую проповедь, юродство проповеди, как говорит апостол, невозможно, но невозможно без Креста Христова и спасение. Именно то, что в этом мире как соль, как уродство, как безумие, то и явилось спасением людей. Кто хочет идти на смерть, кто хочет быть распятым в этом мире, кто хочет быть поносимым в нем, кто хочет, чтобы его забыли, потому что великих дел мира сего он не творит? Никто из тех, кто живет своим плотским умом. К сожалению, братья и сестры, мы тоже иногда увлекаемся этим безумием мира сего. Иногда и нас увлекают его идеи, его пути. «Иудеи требуют чудес, и эллины ищут мудрости», — говорит апостол Павел. И действительно, люди цивилизованные ищут научной мудрости, философской мудрости, технической мудрости, а иудеи требуют чудес: «Сойди и покажи, где знамение Истины». Многие часто обращаются ко всякого рода мистическим учениям, ко всякого рода практикам, которые могли бы изумлять людей века сего (если они не знают Христа), но которые есть ничто. «А мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн», ибо нет здесь никакого чуда, которому можно было бы подивиться, «а для эллинов безумие», потому что это не рождает никаких новых форм цивилизации в этом мире. «Для самих же призванных, — как говорит апостол Павел, — и иудеев, и эллинов», воистину для всех тех, кто уже стал новым народом, кто уже не называется ни иудеем, ни эллином, ни русским, ни американцем, ни японцем, мы проповедуем «Христа, Божью силу и Божию премудрость». Вот сила нашей проповеди, вот наша Правда, вот Истина, явленная еще здесь, на земле, в этом мире, в мире, который не может ее принять, если не станет так же безумен, как и все мы во Христе! Почитая Крест Христов, мы почитаем Голгофскую жертву Христа. Как ни важны для нас все святыни, которые хранит Святая Христова Церковь, самой высшей, величайшей святыней, источником всякой святости является Сам Христос, Его Крест, Его Распятие, Его Голгофа, эта жертва, принесенная однажды за всех и неповторимая никогда никем. Братья и сестры, мы прославляем Христа распятого. Воистину драгоценны капли Его крови, Его безгрешного, пришедшего в мир спасти мир. Будем же ходить во Свете, пребывать в силе Жизни, в силе Духа так, чтобы Крест Христов не был тщетен для нас, так, чтобы грехи более не распинали через нас Христа.

Будем же, братья и сестры, верны Голгофе, верны Христу распятому, чтобы жизнь Его всегда жила и действовала в нас. Аминь. **СЛОВО ПОСЛЕ ЛИТУРГИИ** Братья и сестры! Каждый раз, завершая богослужение, литургию, службу, ради которой многие люди на белом свете отдали бы все, чтобы иметь возможность хоть каждый день совершать ее, мы с вами благодарим Господа и просим о том, чтобы Господь освятит всех на Него надеющихся, благословил всех Его благословляющих, чтобы Он благословил все достояние Свое. И это достояние — мы с вами, наши сердца, ибо Богу ничего другого больше не нужно. Мы с вами знаем великие слова Писания: «Чадо, дай Мне сердце твое». Если сердце наше отдано целиком Богу, то все исполнится, ибо этому учит нас Христос. В этой «заамвонной» молитве, дорогие братья и сестры, мы просим не только о себе. Коли мы говорим, что мы — достояние Христово, ибо Он в нас и мы в Нем, то мы просим сохранить и полноту Церкви. Это великое прошение, дорогие братья и сестры! Церковь с древнейших времен, называлась «Полнотой Наполняющего все во всем», потому что Сам Христос есть Полнота. Для Православия единственно важным является вот это исполнение, вот эта Полнота, такая же, какая требуется при отдаче нашего сердца Богу. Мы отдаем Ему свое сердце вполне, и для Церкви важно, чтобы в ней пребывала эта Полнота, которая возвращается Тому, Кто ей ее даровал. Братья и сестры, далее мы молимся: «Освяти любящая благолепие дома Твоего», т. е. «освяти любящих благолепие дома Христова».

Это означает также: в полноте наполни Свою Церковь Духом и Истиной, которая всегда от Бога, которая и освящает. Мы знаем, что даже «всякая вещь, — как сказано в Писании, — освящается словом Божиим и молитвой», а уж тем более — сердце наше, если в него вселяется Сам Логос-Христос. Но Христос вселяется и в эти каменные стены храма. Посмотрите, насколько они прекрасны для молитвы. Если бы мы еще имели возможность весь храм приготовить, как прекрасную невесту, то мы могли бы доказать эту свою любовь к нему, ибо то, что в нас, то и вокруг нас, и вы все это знаете. Поэтому Господь и освящает «любящих благолепие дома Его». Мы вчера вечером уже говорили, что всякое «подножие ног» Христовых и есть дом Божий. И весь мир — такой дом, и земля — такой дом, и Церковь — такой дом, и народ Божий — такой дом, и град Божий — такой дом, и храм Божий — такой дом, и каждый из нас — такой дом, и Крест есть «подножие ног» Христовых. Нам с вами, братья и сестры, нужно больше проявлять этой любви к дому Божьему, так, как мы можем это вместить, так, как мы можем это понять. И это не должно быть только внешними действиями, надо любить «благолепие дома» Христова всем сердцем, всей жизнью своей. Братья и сестры, поздравляю еще раз всех вас с праздником! Праздник Креста Христова будет продолжаться несколько дней. Размышляйте и дальше о том кресте, который вам нужно нести, который вы берете, отвергая себя. Храни вас всех Христос! **28 СЕНТЯБРЯ. СЛОВО НА УТРЕНИ** Сегодня мы вспоминаем святого великомученика Никиту, который был сожжен за исповедание веры во Христа. Святой Никита был ревностным христианином. Это был богатый человек, влиятельный в обществе. Но все свое влияние он направил на укрепление веры, когда в 70-е годы IV столетия римский император Юлиан Отступник пытался восстановить язычество. Великомученик Никита убеждал варваров в истинности христианства и приводил к крещению своим собственным примером. И это нужно делать каждому христианину, нужно и убеждать людей, и показывать пример, свидетельствовать. В наше время многие люди ищут живого духовного примера, но ищут и живого слова. Дело в том, что всегда есть такая опасность: любой человек на земле — не ангел, всегда много согрешает, и любое согрешение человека может оказаться препятствием для принятия веры другими людьми, особенно если они относятся к этому человеку пристрастно, что бывает нередко, как вы прекрасно понимаете. Поэтому всегда можно найти повод для того, чтобы отвергнуть этого человека и его пример. Даже любой святой мог подать такой повод. А уж соблазниться без повода, как вы знаете, еще проще. И это бывало даже в отношении Господа. Господь что-то говорит, Его неправильно понимают, и люди уходят соблазненными: «Как можно есть тело и кровь? Разве это возможно?» Вот поэтому мы с вами должны чувствовать это равновесие. Даже если человек — не великий святой, но несет верное учение и убеждает своей верой, то великая ему похвала. Апостол Павел говорил, что ревнуют люди о вере, кто чисто, кто нечисто, но он радуется и тому, и другому, лишь бы распространялось учение, лишь бы распространялся Свет Христов. Конечно, лучше ревновать чисто, чем нечисто. Некоторые это делают из любви к словопрениям, некоторые с корыстью, кто как. Но если человек это делает, если его слышат, если он это делает убедительно, пусть даже не показывая достойного, великого примера, то это может привести к цели. Мы с вами знаем, что когда мы ссылаемся на Евангелие, когда мы не свои слова говорим, а то, что нам положил Господь, каждый человек реагирует именно на эти слова, он о них размышляет, о них думает. Если бы мы говорили что-то только от себя, то это, может быть, было бы совсем не интересно. Но если человек говорит от Бога, пусть даже не всегда будучи достойным этих великих слов, которые он произносит, то тогда эти слова действуют. Мы очень часто делаем то, что превышает нас, и говорим то, что превышает наши силы. Это и для нас великое дело — проповедуя, мы как бы тоже включаемся в число тех, кому проповедуем. Когда человек говорит что-то из слова Божьего, он проповедует не только другим, но и самому себе тоже, он, уча других, учит и себя. Так что польза есть в любом случае. Конечно, если человек — явный злодей, то его просто никто не будет слушать, какие бы великие слова он ни произносил. Но если это не так, а есть просто недостаток духа, недостаток силы духовной, то тогда слово Божие может вдохновить и проповедника. Таким образом, хочу вам сказать, что бы ни было с

вами, даже когда вы, может быть, и не на самой высоте духа, свидетельствуйте о Боге, проповедуйте убеждением, словом. Но если у вас есть возможность при этом показать еще и пример собственной христианской жизнью, то ваше слово будет особенно действенно, особенно сильно. Аминь.

v

28 СЕНТЯБРЯ. СЛОВО ПЕРЕД МОЛЕБНОМ НА НАЧАЛО НОВОГО УЧЕБНОГО ГОДА В ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЕ ПРИ ВЛАДИМИРСКОМ СОБОРЕ

Братья и сестры! Мы начинаем с вами молебен перед новым учебным годом. Всякое доброе дело должно начинаться с молитвы, с благословения Божьего. Если мы хотим, чтобы наши дела были добрыми, они должны быть сделаны во имя Добра, во имя Красоты, во имя Любви, т. е. во имя Божие. Вот поэтому мы сейчас с вами и будем прежде всего молиться. **СЛОВО ПОСЛЕ АПОСТОЛА НА МОЛЕБНЕ (ЕФ 1: 16-20, 3: 19-21)** Братья и сестры, христиане! Мы сейчас молились за вас, чтобы, как говорит апостол Павел, «Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец Славы, дал нам духа премудрости и откровения к познанию Его, и просветил очи сердца нашего, дабы мы познали, в чем состоит надежда призвания Его и богатство славного наследия Его для святых». Смотрите, как интересно: мы с вами должны познавать и надежду нашего призвания, и богатство славы. Но я хотел вам сейчас сказать, что мы просим, прежде всего, чтобы Бог «просветил очи сердец наших» и «дал (всем) нам духа премудрости и откровения к познанию Его». У каждого есть очи физические, каждый смотрит на мир и что-то видит, что-то познает через это видение. Но есть «очи сердца», и мы с вами просим об одном — чтобы Бог помог нам познать «богатство премудрости и откровение» Его, чтобы мы познали Господа нашего Иисуса Христа. Для этого и нужны нам духовные очи, «очи сердца нашего». Как бывают физически слепые люди, или душевно бесчувственные, точно так же бывают и духовно слепые. И вот это очень опасно. Мы с вами должны помнить, что с самого раннего детства, не со школьного возраста, а значительно раньше, человек должен заботиться о том, чтобы очи сердца его открылись. И очень много бед приносит человеку то, если они закрыты, если не видит он очами сердца своего. Поэтому подумайте о себе, в каком бы классе вы ни учились, сколько бы ни было вам лет, — открыты ли очи вашего сердца или закрыты, познали ли вы Господа нашего Иисуса Христа, преуспеваете ли вы в познании или еще только думаете о познании внешнем, которое сегодня есть, а завтра забылось. Конечно, нужно иметь познание для того, чтобы быть культурными, цивилизованными людьми в этой жизни, в этом мире. Но самая главная цель человека в этой жизни — иметь открытые очи сердца, духовные ваши очи, чтобы видеть Истину и Правду в этом мире, чтобы видеть, где нет этой Истины, где нет этой Правды, нет справедливости, чтобы вы могли сами жить по правде и по любви в познании Господа и в этом другим помогать. А это нужно и взрослым, это нужно и детям — это нужно всем. Ради этого мы сегодня с вами и собрались здесь, чтобы продолжить наши занятия в воскресной школе, чтобы вы никогда потом не сказали: «Я и хотел бы хорошо жить, и хотел бы никогда не обижать никого, и хотел бы никогда не творить неправды, но мне никогда об этом ничего не говорили, меня этому не учили, я не знал, как это делать». К сожалению, многие взрослые люди и рады были бы избежать многих грехов и ошибок, но они не были научены прежде тому, чтобы духовные очи у них были открыты постоянно. А вы, дети, родились уже сейчас, в то время, когда вам открылась эта возможность, открылась с раннего детства. Никогда не уставайте учиться духовной жизни. Есть науки физические, есть науки гуманитарные, а есть и духовные науки. Тот, кто научен духовной жизни, не будет творить зла, не будет творить неправды, тот сможет и других научить, как следует жить, причем без превозношения, без гордыни, без того, чтобы унижить какого-то человека. Поэтому давайте сейчас продолжим нашу молитву Господу, Который благословляет детей, Который любит детей и Который учит детей словом Своим для вашей радости и спасения. Аминь. **СЛОВО ПОСЛЕ ЕВАНГЕЛИЯ НА МОЛЕБНЕ (МК 10: 13-16)** Вот отрывок из Евангелия, который говорит о том, что было, когда Господь жил на

земле. Он сказал ученикам Своим, которые не понимали Его: «Пустите детей приходиться ко Мне и не возбраняйте им, ибо таковых есть Царствие Божие». И это касается всех вас. Царство Божие принадлежит детям и тем, кто по вере — как ребенок, кто чист, кто доверчив, кто не хочет неправды, кто не хочет никакого лукавства, никакого зла. И видите, когда пришли дети, Господь обнял их. И сегодня Господь как бы всех вас обнимает, возлагая руки на вас и благословляя вас, чтобы вы возражали в премудрости и разуме. Аминь. **СЛОВО ПОСЛЕ МОЛЕБНАМ** Мы начали с вами новый учебный год. Это ведь радостно, этого всегда ждешь, этого всегда хочешь, хотя все мы знаем, что нужно будет и потрудиться. Без труда ничего в жизни получить нельзя. Поэтому сейчас возложите надежду на Господа и помолитесь Ему, чтобы ваше учение было успешным и полезным и для вашего сердца, и для вашей души, и для всех вас. А сейчас все подходите, прикладывайтесь к кресту и пойте: «Тебя, Бога, хвалим». Аминь. **СЛОВО НА ВЕЧЕРНЕ, ПОСЛЕ ПАРИМИИ (3 ЦАР 17)** Братья и сестры, христиане! Вы сейчас слышали о том, как Илия пророк воззвал к Господу и сказал Богу: «Господи, Боже мой! Неужели Ты и вдове, у которой я пребываю, сделаешь зло, умертвив сына ее?» Пророк Илия умел различать добро и зло. Это было его преимущественное качество. Именно поэтому он почитался за великого пророка, который знал, что такое добро, знал он и что есть зло. Он хорошо знал, братья и сестры то, что чья бы то ни было смерть на земле есть зло. И поэтому он посмел даже Богу вменить в вину умерщвление сына бедной вдовы. Конечно, не Бог был виноват в этом зле. Конечно, «Бог зла не творит», и Бог, как вы слышали далее, сделал то, о чем просил Илия, и вернул жизнь отроку. Мы с вами тоже, дорогие братья и сестры, знаем, что последний враг Богу здесь на земле — это смерть. Не случайно мы с вами исповедуем такую веру, которая утверждает только абсолютное торжество жизни. Наша с вами вера утверждает жизнь. Наша вера знает, что всякое умерщвление живого есть зло. Если человек умирает — это всегда зло, потому что человек — вместилище духа и души. Братья и сестры, не случайно этот отрывок читался сейчас, когда мы пришли прославить Воскресение Христа, Который показал нам, что есть торжество добра, что есть торжество жизни над смертью, добра над злом. Действительно, есть враг на земле, и он действует, когда зло поглощает плоть человеческую и человек умирает. Конечно, мы знаем, что человек, обретший дух Божий, не умирает вовек, что он обретает жизнь, что он воскреснет. Это дано нам в откровении Христовой любви, в откровении истины Воскресения Христова. А то, что произошло в древности с пророком Илией, прообразовательно. Это прообраз того, что Бог посылает жизнь, когда, кажется, нет никакой надежды на эту жизнь, на ее победу, когда кажется, что нужно смириться со злом, смириться с этой смертью. Но человек бунтует и не смиряется со злом. И здесь он един с Богом, Который никогда не допустит торжествовать злу. В тех или иных ситуациях это было явлено еще в Ветхом Завете, как, например, в случае с сыном этой бедной вдовы. Окончательная же победа — победа во Христе, которую мы и прославляем сегодня. Аминь. **29 СЕНТЯБРЯ. СЛОВО НА ЛИТУРГИИ, ПОСЛЕ АПОСТОЛА (ГАЛ 2: 16-20; ЕФ 5: 17-33)** Братья и сестры, христиане! Мы сейчас слышали о том, как апостол Павел учит нас вере во Христа, как он говорит нам о том, что делами плоти никто не может оправдаться пред Богом. Он считает, что закон, покуда его исполнить до конца никому в жизни не удастся, оказывается не спасительным. Спасительной же оказывается только благодать и вера, т. е. тот дух, который, соединившись с Богом в человеке, действительно дает человеку Жизнь божественную и вечную. «Я сораспялся Христу, — говорит апостол Павел, — и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу по плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня». Это великое откровение для нас с вами, дорогие братья и сестры. Мы же тоже еще живем по плоти и тоже стремимся сораспяться Христу, как было обещано нами в день нашего святого Крещения. Так сораспяться, чтобы жить уже не самому по себе, отдельно, а чтобы жил в нас Сам Христос — сей Человек, Который объединяет Собою все праведное и истинное на небе и на земле. И тогда уже, действительно, поступай, как хочешь, тогда уже нет закона на таковых. Никакого закона, братья и сестры! Человек, сораспавшийся Христу, не будет грешить, потому что сораспяться Христу можно только в любви, только заключив брак со Христом. Если

человек сораспался Христу, то он не согрешит, а если грешит человек, то значит, он себя делает, по словам апостола Павла, преступником. Не о том говорит апостол Павел, что все сразу становятся совершенными, что не нужно будет уже идти по пути совершенства, однажды приняв веру и в сердце свое Христа. Нет, братья и сестры, ведь мы знаем, что всякий человек, пока он живет, много согрешает. Под грехом же апостол Павел здесь подразумевает другое, то, что отлучает нас от Бога, что является вольным грехом, что свидетельствует о нашем равнодушии к Богу, ко Христу, к Его Любви, к Его Вере, к Его Церкви. Братья и сестры, действительно, и живя во плоти, мы стараемся жить лишь верой в Сына Божия, Который возлюбил нас и предал Себя за нас. Это кратчайшее исповедание веры, это краткий символ веры, сохранив который в сердце своем, мы можем достичь Небесного Царства. А что может быть больше такой любви, братья и сестры? Господь наш Иисус Христос возлюбил нас и предал Себя за нас. Не то же ли делаем мы, когда становимся членами Церкви, Церкви, которая находится в Браке со Христом? Не то же ли делаем мы, когда вступаем и в брак человеческий, если он во Христе, если он — по образу Брака Христа с Церковью? Вот сейчас, когда перед нами новобрачные (в церковном смысле) Андрей и Марина, мы радуемся, что они совершают великий шаг, прося вместе со всей Церковью благословение Божие на свой брак, чтобы не было это лишь только земным делом, хотя тоже великим, но лишь земным, как это бывает во множестве случаев в человеческом обществе. Братья и сестры, сейчас вы слышали и слова апостола о том, что друг другу надо повиноваться. Если есть эта любовь между нами, то всякая гордыня, всякое противление себя другим, жесткое и неоправданное, мешает пролиться духу любви в сердца наши. Апостол повелевает нам исполниться духом и благодарить за все «Бога и Отца во имя Господа нашего Иисуса Христа». А далее следует апостольское наставление всем, вступающим в брак и живущим в браке. «Жены, повинуйтесь своим мужьям», — говорит апостол Павел, обращаясь почему-то в первую очередь к женщинам. Впрочем, наверное, потому, что всегда это было проблемой в человеческом обществе, не только в наше время. «Повинуйтесь своим мужьям, как Господу», т. е. как единому господину, высшему, потому что «муж есть глава жены, так же как Христос — Глава Церкви, Он же и Спаситель всех». Значит, и муж должен постоянно заботиться о спасении своей жены. И «как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям должны повиноваться во всем». А дальше апостол обращается к мужьям, потому что нехорошо было бы наставлять одних жен, ничего не сказав мужьям, на которых лежит такая огромная ответственность за своих жен, за свою семью, а не только за себя. «Мужья, — говорит апостол, — любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее». Это почти то же самое, братья и сестры, что мы слышали сегодня в предыдущем чтении: «Живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня». Вот так и здесь. Муж должен, подобно Христу, возлюбить свою жену так, чтобы ничто не могло ее отлучить от любви Христовой, так, чтобы, если нужно, предать всего себя до смерти за нее, чтобы освятить ее, очистить. Дальше мы видим удивительную параллель. Апостол Павел говорит, что Христос и Церковь — как муж и жена. «Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя». Действительно, Христос любит Свою Церковь и спасает ее, потому что это Его тело. И муж любит свою жену, как свое тело. «Никто никогда не имел ненависти к своей плоти, — говорит апостол, — но питает и греет ее, как и Господь Церковь; потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его. Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть». Велика тайна брачного единства! Воистину, когда Господь сочетает, ничто человеческое не должно разрушать это единство. Велика тайна единства Христа и Церкви, тайна попечения Его о ней, и также велика тайна Брака, который совершается в Церкви! Мы верим, что наши возлюбленные брат и сестра, наши новобрачные Андрей и Марина будут слушаться голоса Христова, голоса Самого Господа, чтобы исполнить все, что им дается, открывается Богом во славу Его, во славу Его Церкви. Аминь.

СЛОВО НА ЛИТУРГИИ, ПОСЛЕ ЕВАНГЕЛИЯ (МК 8: 34 - 9:1) Дорогие Братья и сестры!

Одной из центральных заповедей Господа является заповедь о том, чтобы мы отвергли себя и взяли крест свой, следуя за Ним. Если мы хотим сберечь свою жизнь, то мы должны как бы потерять ее, потерять, чтобы не потерять самой Жизни вечной. «Кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, — говорит Господь, — тот сбережет ее». Нам с вами нельзя даже постыдиться Господа и Его слов в этом мире, потому что тогда постыдится и нас Господь. Братья и сестры, кто действительно отвергает себя и несет свой крест, тот, еще не увидев смерти на земле, увидит пришедшее в силе Царство Божие. Мы с вами знаем, что сила Царства Божьего раскрывается в сердцах всех верующих во Христа. Мы знаем, что эта сила есть сила божественного Света, сила просвещения нашего. В первую очередь это нужно напомнить нашим новобрачным, потому что они должны возлюбить друг друга так, чтобы друг за друга жизнь свою отдать. И тогда благоухание и свет Небесного Царства изольется в сердцах их и вокруг них. Аминь.

30 СЕНТЯБРЯ. МЦЦ. ВЕРЫ, НАДЕЖДЫ, ЛЮБОВИ И МАТЕРИ ИХ СОФИИ. СЛОВО НА УТрене

Дорогие братья и сестры! Сегодня день памяти святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, пострадавших около 137 года н.э. В нашем народе замечательно празднуется этот день. Все его знают, хотя, к сожалению, не все приходят в храм для того, чтобы помолиться. И прекрасно, что этот праздник в народе стал отмечаться очень широко. Хотя по уставу он ничем не выделен, это простой будничным день. Тем не менее все говорят: «Вот завтра — Вера, Надежда, Любовь», и некоторые добавляют: «И мать их София». Надо сказать, что это не случайно, это тот редкий случай, когда плод дает одна, казалось бы, незначительная деталь. Имена этих греческих мучениц звучали, естественно, по-гречески, так, Любовь — Агапи, Вера — Пистис, Надежда — Элпис. Непереведенным осталось лишь имя их матери — Софии, но сейчас всем известно, что оно означает «Премудрость». И хотя многие не знают, как эти имена звучат в Греции, даже наиболее распространенное из них Агапи — Любовь и то не все знают, люди очень хорошо понимают, что значит эта троица. Она связалась в памяти людей с троицей добродетелей, которые, по словам апостола Павла, пребывают теперь. В знаменитой 13 главе Первого послания к Коринфянам говорится: «Теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше». Я хотел бы вам сейчас прочесть небольшой отрывок из жития, чтобы вы знали о тех, кого мы сегодня вспоминаем... Вы, конечно, помните, что в правление императора Нерона начинаются гонения на христиан. Вначале для римских властей не было разницы между иудеями и христианами. Они воспринимали христиан просто как иудейскую секту, считая, что христиане поклоняются некоему «Хресту». Они даже верно не выговаривали это имя и неточно переводили его (греческое слово «Христос» означает «Помазанник»). Вы помните, что тогда император Нерон обвинил народ, и в первую очередь христиан, в поджоге Рима, и это послужило основанием для первого большого гонения в Риме. А уже к концу I века синагога отделилась от христиан, от Церкви и стала предавать их анафеме в своих молитвах. Тогда Церковь самоорганизуется, ибо уже невозможно было путать христиан с иудеями. И вот, при императоре Адриане, а также при других просвещенных императорах, знаменитых императорах, в том числе и при Марке Аврелии, происходят новые гонения на христиан. Плиний Младший подлил масла в огонь, сам того не желая. Он стал спрашивать императора, что ему делать с таким огромным множеством христиан, которые распространились в Малой Азии, где уже в начале II века большинство населения составляли христиане. И император, просвещенный и мудрый, знающий закон, ответил, что разыскивать их не нужно, но если где-то обнаружится христианин, который не хочет воздавать божеских почестей императору, то его следует казнить. Так и началась длительная эпоха гонений на христиан, потому что это послание императора было не частным письмом, а письмом, которое имело законодательную силу и долгое время не могло быть отменено... Христиане же очень заботились о том, чтобы воспитывать детей в своей вере. Было невозможно, чтобы родители исповедовали одну веру — христианскую, а дети — другую. Невозможно не потому, что детей держали на привязи, а потому, что вера родителей была такой силы, что почти не было случаев отступничества. А если человек на какое-то время и соблазнился страстями молодости, ходил-ходил из религии в

религию, из секты в секту, то он все равно потом возвращался в святую католическую Церковь. Вот и здесь мы видим пример того, как св. София, твердая христианка, воспитывала своих дочерей в вере. И здесь не могло быть отступничества... Но как много, дорогие братья и сестры, было отступничества в наш век, просто из-за страха, или просто из-за материальной выгоды, или просто из-за удобства своей жизни! И до сих пор часто такое бывает. Да еще совсем недавно так было: в партию нужно вступать обязательно, иначе будешь не как все, иначе будешь выделяться, надо и в комсомол вступать, надо и в пионеры — везде надо, все надо, иначе как-то неудобно будет. И люди готовы были идти на любой компромисс, в результате чего дети вообще отходили от Бога и потом портили жизнь и себе, и родителям, и близким. Чисто человеческие, меркантильные соображения побеждали во множестве случаев. Это не отдельные исключения, братья и сестры! К сожалению, это часто было правилом в поведении многих христиан. Если еще сами бабушки, дедушки сохраняли веру, то передать ее другим они были совершенно не в состоянии, но отчасти и потому, что не были сами научены вере, не знали ее как следует. Сердце им говорило, что они на правильном пути, но что-то сказать из Писания, из учения Церкви они не могли. Хорошо, если еще было отзывчивое сердце у детей. Тогда проходили годы, время, и они вспоминали своих бабушек и дедушек, которые их, может быть, украдкой водили в детстве в храм. Потом через многие годы страданий, ошибок, грехов некоторые люди все же приходили снова в церковь. Но сколько же времени для этого требовалось! Даже сложили легенду о том, что приходиться в церковь надо только к концу жизни: мол, придет время, тогда мы и пойдем в церковь (это значит, — где-то ближе к пенсии). Вот насколько исказилась наша с вами христианская жизнь, насколько она далека от той великой традиции Церкви, которая всех верующих укрепляла в вере и в христианской жизни... Все так просто в житии святых мучениц! Никаких чудес, никаких эффектов истории, ничего интригующего, завлекательного, внешнего в нем нет. Очень простое житие. Служо благонравии, уме и красоте девочек дошел до императора Адриана, который пожелал их увидеть. И узнав об их вере, он захотел склонить их на свою сторону властью (а всем имеющим хоть малую власть кажется, что их власть неоспорима), но получил отказ, в результате чего по действующему государственному законодательству того времени (все законно!) девочек убивают. И они, естественно, становятся мученицами, потому что исповедовали веру до смерти своей. А мать, которая их утверждала в вере, через три дня умирает рядом с могилой дочерей, не выдержав этого, но выдержав самое главное — испытание в вере, испытание духа. И она становится почитаемой как святая мученица Церкви Христовой. Все, видите, очень просто. Я вам обещал, братья и сестры, рассказать не только об известном уже сейчас нам смысле сегодняшнего праздника, но и о его духовной стороне, которая определила бессмертную память и почитание этих святых. В нашем народе, слава Богу, много Вер, Надежд, Любостей и Софий. И мы в храме здесь, слава Богу, ныне видим тех, кто носит имена этих святых. Они сегодня пришли, нашли возможность побыть в храме на молитве, чтобы прославить мучениц Веру, Надежду, Любовь, и мать их Софию. Наверное, все-таки каждый немного гордится своим именем, каждый чувствует, что оно значительно, и каждому приятно, если он имеет такое имя: Вера — в вере утверждается жизнь человека; Надежда — «мы спасены в надежде», — говорит апостол Павел, и сколь это важно; Любовь — «Бог есть Любовь, и пребывающий в Любви пребывает в Боге», — говорит апостол Иоанн. Вот такие это замечательные имена и добродетели, даже не добродетели, а нечто большее, потому что вера, надежда, любовь — это состояние духа. Поэтому их даже нельзя назвать добродетелями. Добродетель возникает уже на основе того духа, который вселяет в нас веру, надежду и любовь, если эта вера — святая, истинная, если эта надежда — не ложная, если эта любовь — не лицемерная. Интересно и то, что матерью такого замечательного духовного состояния человека называется «премудрость». Премудрость — это то же, что и закон Божий, на богословском языке это то же, что и заповедь, воля Божья. И вот премудрость становится «детоводителем ко Христу», т. е. к вере, надежде, любви. Многие спрашивают: «А как мне обрести веру? Мне не хватает любви, и я не знаю, что делать, откуда я возьму эту любовь? Где я возьму надежду, если на меня сыпятся несчастья, и

уже нет никаких оснований для надежды?» Так вот, всякому такому человеку как раз и нужно ответить, что матерью, порождающей Веру, Надежду и Любовь, является София, святая София, святая Премудрость Божия, которая не случайно с древних времен воспитывалась в людях, даже если они и не знали этих греческих слов. Воспитывалась потому, что с детства людей приводили к тому, чтобы исполнять заповеди Божии, почитать заповеди Его, познать их. Хотя, к сожалению, не всегда это делалось полно. И Премудрость Божия прославляется в Священном писании. Она призывает нас к Богу. Человек рождается тогда, когда он откликается на ее зов, тогда он рождается в Духе, рождается в вере, Надежде, Любви, а значит — в Боге. Вот, братья и сестры, что требуется от нас. Все значительно проще, нам не нужно ехать за море, куда-то далеко. У нас есть та Вера, которая вместе с Надеждой и Любовью порождена Премудростью Божией. И ее нужно только утверждать, ее нужно укреплять в себе и вокруг себя. Аминь. Храни вас всех Господь!

: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

МОЙ ПУТЬ К БОГУ И В ЦЕРКОВЬ В этом номере журнала опубликовано 3 свидетельства наших современников об обретении веры, их путь к Богу и в Церковь. Начало публикации нашей новой рубрики см. «Православная община», № 2, 3 за 1994 г.

А. К. С ЧЕГО обычно начинают подобный рассказ, с каких слов? Не знаю. Одни встретили на своем пути Христа внезапно, сами того не ожидая, как апостол Павел, другие шли к Нему мучительно медленно, через всю жизнь. К последним принадлежу я, поэтому трудно выбрать исходную точку для начала повествования, так как каждое событие жизни сейчас видится полным глубокого смысла и значения. Родился и жил я в неверующей семье, далекой от веры и Церкви, и никакого понятия о Христе, конечно, не имел, за исключением слухов и глупых суеверий. Приходилось не раз бывать в действующем храме (армяно-григорианском), не раз по примеру окружающих пытался «задобрить» Бога свечками. Хотя родители мои были крещены по обычаю, я крещен не был. И хорошо, потому что крестили бы меня тоже по обычаю, и я бы считал себя уже христианином и, может быть, на этом бы успокоился. До 15 лет «столкновений» с Богом у меня не было. Помню, лет в 10 у меня с одноклассниками был спор: есть ли Бог или Его нет. В доказательство, что Его нет, я плюнул в небо. Молнии не посыпались, но почему-то в тот же день я со слезами просил у Него прощения. Действительно, абсолютно неверующих людей не существует. Бог самыми удивительными путями приводит людей к Себе. Когда на нашу страну пошла атакой мистика, оккультизм, астрология и т. д., я со всем этим (хотя и в сильной форме) заинтересовался Иисусом Христом. Познания мои о Нем были... Никаких не было! По каким-то своим, неизвестно откуда взявшимся теориям (вот загадка сейчас для меня), я о Нем судил. Но чем больше я о Нем судил, тем быстрее я превращался из равнодушного в сочувствующего. В 15 лет началось самое главное. Мама принесла домой небольшую книгу. Это была брошюра протестантского проповедника Дж. Вандемана «По ту сторону чудес». В ней говорилось о сатанинской природе оккультизма, астрологии и всего, тому подобного, до чего падки были подобные мне обыватели духа. К этому времени я, может быть, стал более, чем сочувствующим, так как после прочтения книги Вандемана передо мной вдруг встала проблема выбора. Вот уже полгода, как я увлекаюсь разгадыванием снов (у меня есть сонник), в руках у меня газета, в которой рассказывается о новом способе гадания. Или — или... Через пять минут сонник вместе с газетой по кусочкам отправляются в мусорное ведро. Суд над «высшим знанием» был скор и окончателен. Однако суд над прежней жизнью еще и не начинался, христианином я не стал. Не все так просто. Прежде чем решиться уйти из Египта, нужно, чтобы опротивело его рабство. Говорят, Бог встряхивает человека страданиями и

неудачами, чтобы оживить его. Это справедливо. Неудачи с товарищами в школе и дома в семье, которые я раньше проклинал, теперь благословляю. Вот уж действительно, никакое внешнее процветание не говорит об успехе, никакое бедствие не означает обязательно несчастья. Как живут люди без Бога, как жил я? Ожиданием чего-то. Покажут завтра хороший фильм — есть смысл в жизни, скоро Новый год — становится легче на душе. Но кончится фильм (который сто раз видел), пройдет праздник, а дальше что? Этот вопрос — как каменная стена, против него нет возражений, ибо всякое возражение — ложь, самообман, издевательство над самим собой. Страшнее этого вопроса нет. Нет и спасительнее этого вопроса. Скольких людей он вытаскивал из болота! Сначала он созревает в самом центре твоего существа, но пока его не слышно — его заглушает шум. Тот самый шум, который, как пишет Баламут («Письма Баламута» Клайва Льюиса), вечно царит в аду. Он помогает заглушать совесть. Но приходит время, когда он с ясностью встает перед человеком: выбирай. Мне было 17 лет, когда я выбрал. В одно осеннее утро я проснулся с решимостью стать христианином. Я хочу им быть, я им буду. Что надо для этого сделать — сделаю. Вот уже два года у меня на полке лежит книга проповедницы Елены Уайт «Путь ко Христу». Я так и не снизошел до нее. Вот она-то мне и нужна. С чего начать, чтобы стать христианином? Начал изучать книгу. В эти дни я видел сон. Я нередко видел сны о Христе и до этого, и после этого. Приятные сны, но, увы, — обман, прелесть. Я только сейчас это понимаю. Но этот сон — единственный из всех, в котором я абсолютно уверен. В нем нет навязчивости, туманности, лести, но есть то, что невозможно объяснить словами, что существует в мистическом опыте каждого христианина. Сон был такой: некто внушал всем ужас, ужас, который бывает лишь во сне. Он преследовал всех и как бы каждого в отдельности. От него нельзя было оторваться. От него исходил страх, невыносимый, невозможный. И вот он стал преследовать меня. Странно было то, что я ясно чувствовал какое-то единство между мной и им, как будто я это он, вот это самое уродство, от которого невозможно спастись. Я побежал, он — за мной. Неожиданно для себя я бросился на колени и завопил ко Христу о спасении. В это же мгновение тот, кто бежал за мной, исчез, исчез вместе с атмосферой ужаса, которая царила во сне. Вместо нее я ясно ощутил присутствие Христа. Оно было так сильно, что я плакал в каком-то спокойном восторге. Странное сочетание, которое мне не приходилось до этого испытывать. Проснувшись, я понял сон. Тот, кто наводил ужас, был мой грех, греховность во плоти, то, что мы не видим и не слышим из-за поверхности жизни, но что на самом деле ужасно. Только Христос может спасти от преследований греха, но пока человек не ужаснется, глядя на себя, он не может по-настоящему пойти за Христом. Потом я прочел в Евангелии слова о том, что только возненавидевший себя может стать учеником Христа. Странно, но я почти совсем не помню дня своего обращения и того, что тогда произошло. Но я уже стал считать себя христианином. В церковь не пошел: у меня были предубеждения против церкви. Мне нравились протестанты; их я считал истинными христианами. Однако у нас в маленьком городе не было протестантской общины, и мне пришлось выходить из положения самому. Во-первых, необходимо было достать Библию. В храм идти не хотелось, а в магазинах в то время Библия не продавалась. Но, зайдя в книжный магазин, я увидел Евангелие и купил. Когда прочел его, понял, что необходима вся Библия. Опять пошел туда. В этот день получили новые книги, среди них — Новый Завет. Стал читать его. Но с христианскими книгами было бедновато. Первый мой православный писатель — о. Александр Мень. Я на его книгах воспитан. Он потом меня через них спас от гибели. Вот это очень важная для меня часть рассказа. С ужасом к ней подхожу. Как известно, мы погибаем от множества лжехристов и лжепророков, пророчащих о «конце света». На удочку одного из них я и попался. Летом 1993 г. попала мне в руки листовка неизвестного «Белого братства». До сих пор с содроганием вспоминаю о последующих событиях. Я засомневался: «А вдруг действительно Христос пришел на землю?» И, решив покончить с мучившим меня вопросом, обратился к Богу с молитвой: «Открой мне глаза, укажи, правда ли то, что в этой листовке написано». Я и раньше молился Богу в трудных случаях, но сейчас молился с желанием получить определенный ответ: «Да, правда». Мне хотелось, чтобы последний день

наступил скорее, так как считал, что трудно жить долгую жизнь на земле со всеми ее бедами. Конечно, я не явно так думал (явно я «хотел» воли Бога), но в глубине сердца, в образе жизни (я почти забросил Библию) это желание было сильно. И вот во мне стало укрепляться чувство, что все эти листовки справедливы. Я доверился этому чувству, хотя меня многое смущало: агрессивность «братьев», недопустимый тон листовок и т. д. Но я подавлял голос разума и давал волю «интуиции», так как считал, что если я положился на Бога в таком деле, то не может быть, чтобы Он меня подвел и дал погибнуть, поверить лжи. Я ведь и раньше молился Ему: «Не дай мне принять ложного пророка и отвергнуть истинного». У меня был опыт — при помощи молитвы я не поверил мунистам. При такой уверенности я стал все больше верить «белым братьям», а чем больше им верил, тем больше считал нужным верить (ведь Бог не даст погибнуть доверившемуся Ему). Это был заколдованный круг. Состояние у меня по принятии «живого Бога» было похоже на состояние по обращению, в чем я видел доказательство истинности своей новой веры. Но самое странное в этой истории то, что я понятия не имел о вероучении секты. Иисус говорил, что Его слова не изменятся, поэтому я не считал нужным разбираться в учении «белых братьев». Я жил так, как раньше, понятия не имея о запретах и табу этой секты. Из дома я не уходил, учебу не оставлял, никого не проклинал, родителей не бросал. И еще ужасно (нет, хорошо!) то, что я не был знаком (и даже слова не сказал) ни с одним из «братьев». Как-то не пришлось. Я считал, что доверился Богу абсолютно, а значит, искать новые доказательства — акт недоверия и маловерия. Если бы это была ложь, Бог по моей молитве оградил бы меня от нее. Вот на чем держалась моя «вера». Интересно еще и то, что лидеры секты мне не нравились, газеты их я читал с отвращением, но боялся себе в этом признаться. Мне нравился прежний Христос, Иисус, и совсем не нравилась Мария Дэви. Однако я укорял себя в этом и даже нашел аргумент: «Иисус после Воскресения в другом облике являлся апостолам, однако это не помешало им узнать Его, полюбить». Вся эта история была бы смешна, если бы не моя активная проповедническая деятельность. Мне казалось предосудительным спокойно сидеть дома, когда «Христос» и «братья» «спасают» людей. Сам я сочинил текст листовки и за два месяца расклеил 194 экземпляра. Расклеивал их в метро (не боялся и не ленился вставать в 5 утра), в поездах, автобусах, на улицах, в подъездах и т. д. Написал кучу посланий в разные религиозные организации и письма в газеты. Чуть не обратился в свою веру маму. Слава Богу, не обратился. Приходилось спорить (и весьма долго) с прихожанами одной протестантской церкви. За два месяца наделал я дел, не могу спокойно об этом вспоминать, хотя и уже очистил себя покаянием, и омыл святым крещением (я тогда не был крещен). Однако сомнения не покидали меня. Я был неуверен в своей вере. Чем больше я запутывал себя софизмами и казуистикой, чем больше применял свой главный аргумент, тем сильнее сомневался. В молитвах даже боялся обратиться: «Мария Дэви...» Предпочитал представлять перед собою Христа. Кривил душой. Дни проходили в напряжении, вера моя висела на волоске. Я старался всячески ее поддержать: «Не может быть, чтобы Бог подвел меня. Он же говорит: «Стучите и отворится. Просите и получите». Однажды у меня появилось сильное желание на все махнуть рукой и бросить веру вообще — всякую. У меня было чувство, что тонкая пленка отделяет меня от гибели: вот-вот порвется, вот-вот я махну рукой. Достаточно было механического движения. Но выдержал. Прошел срок «конца света». Всех переловили. Я остался один. Листовки больше не клеил. Ничего не произошло, все — как прежде. Но я не унывал: «Не может быть, чтобы Бог так поступил с человеком, дал ему погибнуть». И вот однажды вечером, 16 января 1994 г., в воскресенье, я читал книгу о. Александра Меня «В поисках Пути, Истины и Жизни». В ней были какие-то слова о том, что люди легко поддаются лжепророкам. Они меня очень смутили. На меня нахлынула такая волна сомнений, что я чуть не задохнулся. Я был в иступлении, в полной растерянности, во мраке, в ужасной тоске. Невыносимое состояние! Я боялся обратиться к Богу с молитвой об истине, так как считал актом маловерия повторно обращаться к Нему с такой просьбой. Но вера моя была подорвана. Потом я вопил к Марии Дэви: «Спаси от сомнений», не помогло. Меня мучили слова Христа: «Если кто скажет вам: вот здесь Христос, или там — не верьте». Библию в руки

взять страшился — акт маловерия. Что я тогда пережил, трудно выразить. В конце концов я все-таки раскрыл Библию на тех самых словах. В лихорадке, с дрожью, с какой-то мертвящей решимостью я стал тщательно изучать все сказанное Иисусом о лжехристах, обращаясь к параллельным местам. В голову ничего не шло. И вдруг я понял. Все понял. Пришло осознание того, что я нашел решение. Кончились сомнения, где-то в глубине моего существа кончились. Мне осталось ждать. Вот я ощущаю, что стремительно лечу к тонкой пленке. Все уже решено, мне остается ждать. Пленка прорвалась. В это мгновение я ощутил Христа, Его Самого. Настолько сильно, что нет слов, чтобы это выразить. Вот Он здесь, в этой комнате, но в то же время везде. Такого я не ощущал даже в первое свое обращение. У меня вырвался вздох облегчения. Наконец-то! Я тут же порвал листовки, все эти газеты, все — в мусорное ведро. 29 января 1994 г. я был крещен, так как давно этого хотел и стремился в Церковь, жаждал ее. Что мне дал этот опыт? Очень многое. Я научился важному — не полагаться на чувства, на восторг, на вдохновение. Я полюбил Церковь, Библию. Таким вот, казалось бы, странным образом Бог ответил на мою молитву: «Помоги мне отличить истинных пророков от ложных».

□

Л. III. КРЕСТИЛА меня бабушка в раннем детстве. Нельзя сказать, что я выросла в верующей семье, но и атеистической мою семью тоже не назовешь. Я не могу сказать, что с детства верила в Бога, но я всегда точно знала, что в мире существует Сила, создавшая этот мир и помогающая ему выжить. Мне запомнилась кем-то сказанная фраза о том, что случайное возникновение жизни на земле возможно, если допустить, что на свалке из разбросанных деталей сам собой соберется автомобиль. Мое детство и юность были обычными: детский сад, школа, педагогическое училище. Несмотря на то, что со мной и вокруг меня не происходило ничего сверхъестественного, я всегда знала, что на этой земле в отличие от сказок редко бывает счастливый конец. Я много читала, пытаюсь найти ответ, как жить, чтобы хотя бы немного улучшить этот мир, свою жизнь и жизнь своих близких. Очень долго я считала себя лишним человеком. Мне казалось, что я родилась слишком рано или уже слишком поздно. Нельзя сказать, что я была одинока — у меня всегда были друзья, но время шло, друзья менялись, а жизнь оставалась такой же пустой. Все началось, наверное, когда в нашей стране стала меняться идеология. Откуда-то появились новые книги, новые люди. Меня всегда интересовали люди. Только не макаренковский коллектив, а каждый человек в отдельности в отношениях с другими людьми. Из-за этого я любила большие шумные компании, где можно было затеряться и наблюдать. Потом наблюдение и созерцание стали одним из моих любимейших занятий. Позднее, в педагогическом училище, я познакомилась с психологией и полюбила ее всей душой. Сейчас я думаю, что к стремлению познать Бога меня привели события, происшедшие со мной после окончания училища. Тогда они казались случайными, малозначимыми. Но вот теперь их можно выстроить в цепочку. По окончании училища я долго не могла устроиться на работу по специальности. Пришлось идти не туда, куда надо или хочется, а туда, где требовались люди. Меня устроили на работу, от которой ничего нельзя было ожидать. Были мечты об институте, о дальнейшей учебе, интересной работе, которой можно было бы посвятить жизнь. Но получилось так, что я познакомилась с интересными, умными людьми, всерьез думающими о вере, о Боге. Затем вместе с ними оказалась на освящении вновь открывающегося храма, расположенного рядом с нашей организацией. Потом начала читать и духовную литературу, изредка заглядывать в храм. Далее события развивались вполне определенным образом. Еще в юности я знала, что если выйду замуж, то обязательно буду венчаться. Когда же я познакомилась с моим будущим мужем и пришла к нему в дом, то увидела там иконы, Библию и поняла, что и он не будет против венчания. Я познакомилась и с его бабушкой — истинно верующим человеком. Меня всегда удивляло, как неграмотная старушка может быть такой умной и мудрой. Сейчас я думаю, что в этом ей помогала и помогает крепкая вера в Бога и стремление жить по заповедям Его. Мы с мужем обвенчались,

тогда же совершилось мое первое причастие. Венчалась я в том храме, в котором крестилась в детстве. Потом у меня появились настоящие друзья — Владимир и Татьяна. Мы одновременно, почти независимо друг от друга пришли к вере в Бога, а помогали и помогаем друг другу в укреплении нашей веры. Общаясь с моими друзьями, я прошла длинный путь увлечений. Удивительно, что и чтение атеистической литературы, и увлечение оккультизмом может привести к вере в Бога. Еще в училище на уроках научного атеизма мы изучали различные религии, и на наш вопрос, зачем нам знать то, что мы отрицаем, преподаватель ответил, что нужно знать суть того, что отрицаешь. Потом я поняла, что можно прийти к вере и от противоположного. Я могу назвать три конкретных события, непосредственно приведших меня к Богу, в Церковь. Они произошли почти одновременно. Итак, увлечение оккультными науками, в частности, астрологией, привело меня на курсы народных целителей, где нас учили лечить людей не только при помощи магнетизма, космических энергий, но и молитвы, призывая имя Иисуса Христа. Я пошла на эти курсы, уже тогда понимая, что это не мой путь, я не буду этим заниматься. Своей цели я достигла: укрепились в вере, научилась личной молитве, чтению Библии. Жизнь случайно свела меня с людьми из секты свидетелей Иеговы. Они меня заинтересовали, и я попросила у них литературу, из которой узнала, что лечение энергией ничего хорошего принести не может. Авторы этих книг, как и наш учитель на курсах, тоже ссылались на Библию. Когда я задала нашему учителю вопрос, — почему? — то он ответил весьма уклончиво и невразумительно, ответил, что и иеговисты занимаются этим же. Его ответ окончательно поставил крест на моих занятиях целительством. Я рассказала Владимиру о встрече с иеговистами и он, посоветовав почитать о них, предложил книгу протоиерея Митрофана Зноско-Боровского «Православие. Католичество. Протестантизм», которая многое мне прояснила, и я рассталась с иеговистами. Потом Владимир подарил мне книгу священника Родиона «Люди и демоны». Эта книга окончательно положила конец моим занятиям астрологией. Книги по астрологии покрылись пылью. Так Божьей волей два беса, раскрыв для меня свою сущность, поборол друг друга. Перед этими событиями я просила Бога помочь излечить мою близорукость. Господь почти мгновенно исполнил мою просьбу. Помощь пришла неожиданно. Врачи сделали мне операцию и вернули почти стопроцентное зрение. Тогда я окончательно поняла, что человек всегда получает то (если добивается того), к чему стемится. Только потом он начинает думать, того ли он хотел, и если — того, то забывает, Кто ему это дал. Вот и я умудрилась совмещать веру в Бога с занятиями астрологией и целительством. А может быть, это была проверка. Слава Богу, что я не успела все это испробовать, а занималась лишь теорией. Получив диплом об окончании курсов народного целителя, я поняла, что он нужен только для того, чтобы показывать его детям и говорить: «Так жить не надо». Хочется назвать еще одну книгу, которая поставила точку на занятиях оккультизмом для меня и моей подруги Татьяны, — «Князь мира сего» Г. Климова. Она просто потрясла нас: ведь мы встретились с дьяволом лицом к лицу, увидели — и побежали прочь. Вскоре я узнала, что Владимир проходит оглашение и собирается креститься. Я стала задавать ему вопросы о Библии, молитве, храме. Он отвечал на них, а потом пригласил меня на «открытую встречу». Так я оказалась в Огласительной школе. А помогала мне ходить в церковь и на первые огласительные встречи книга «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», подаренная Татьяной к Рождеству Христову. Теперь, когда я иду на работу, каждое утро проходя вблизи от храма, я молюсь и благодарю Бога, за то, что Он послал мне такую работу, которая не отнимает у меня много времени и позволяет учиться жить по заповедям Божиим. Я благодарю Бога за путь, который лежит через храм. **И. Г.**

Муж с сыном крестились в один день в Коломенской церкви в 1987 г. Я в семье одна осталась некрещеной. Постепенно стала чувствовать душевный дискомфорт, желание креститься росло с каждым годом. В 1991 г. мое крещение состоялось в Даниловской церкви, хотя по форме оно мне не очень понравилось. Впервые я услышала о Георгия на «открытой встрече» Огласительного училища во Владимирском соборе бывшего Сретенского монастыря, куда

привел меня муж летом 1993 г., который в это время проходил оглашение. Впечатление от встречи было большим и, тем не менее, в группу оглашаемых я не записалась, вышла из церкви и уехала домой. В течение последующих месяцев началась душевная работа. Она возникла сама по себе, независимо от меня. Было много сомнений, но я остро чувствовала, что настало время выбрать путь. Наступил главный, самый ответственный этап в жизни. Все прошлые годы показались бесцельными. Но суета затягивала: недостаток времени, работа, семья. В душе шла борьба. Хотя муж не настаивал на моем решении, его влияние я ощущала. Следующая встреча с о. Георгием состоялась в 1994 г.*. Поехали втроем — я, сын и муж. Опоздали, стояли у входа на лестнице. Вначале я порывалась уйти, так как было плохо слышно, ничего не видно. Затем стала прислушиваться, ловить каждое слово. И именно после этой встречи я четко поняла, что путь выбран и я буду идти им. Другого решения быть не может. И сейчас, анализируя свой приход в церковь, я понимаю, как важны для начинающего христианина все огласительные встречи, которые проводит о. Георгий. 4 ноября 1994 г.

Начало публикации материалов «открытой встречи», о которой упоминает И. Г. см. в настоящем номере журнала в рубрике «Миссионерство, катехизация».

Протоиерей Василий Зеньковский: Проблема зла в мире и пути борьбы с ним

Богословие и философия

У нас всех есть мучительное ощущение страшного роста зла, наличие которого так бесспорно, но все же не должна закрывать перед нами другого факта: бесспорного роста добра в мире. Для христианина трудно, даже невозможно, конечно, быть оптимистом в обычном смысле слова, но нельзя забывать, что рядом с чрезвычайным и даже непонятным ростом зла, бесспорно идет рост добра; только добро молчаливо и большею частью нами забывается.

Оно очень часто совсем невидимо, оно еле отмечается в ближайших кругах и совсем не замечается издали, но реальность добра в современном мире, так же велика, как страшен и неожидан рост зла. Люди, которые сейчас побывали в разных лагерях, могут рассказать об этом диковинные вещи. Когда люди приходят служить благодарственные молебны и рассказывают, как они спаслись от смерти, то становится ясна реальность и сила добра в мире. Поэтому надо беречься одинаково и крайнего пессимизма, к которому нас толкает современная жизнь и того близорукого оптимизма, который считает незначительным то зло, которое происходит.

Эти две крайности, которые одинаково не могут быть защищаемы. Та же позиция, к которой нас влечет христианское мирозерцание может быть названа трагическим мироощущением: мы видим и страшную глубину зла и не теряем веры в добро.

Трагичность жизненного процесса, трагичность того, что происходит в истории есть основное ощущение, которое диктует нам христианство, наша общая позиция. Можно сказать, что трагический подход к пониманию жизни далек как от давящего чувства рока, непреодолимой судьбы, которая владеет всем — так и от поверхностного оптимизма.

Как часто люди то не замечают Голгофу, останавливаясь на светлом факте Воскресения, то за Голгофой не видят Воскресения. Конечно, надо признать, что трагическая установка духа вообще трудна, почти не по силам нашему уму: охватить всю сложность переживаемых фактов не только трудно для ума, но еще труднее оставаться на линии трагедии. Быть «героем»

трагедии удастся немногим, обычно мы превращаем трагедию в драму или даже мелодраму; для того, чтобы быть «героем» трагедии, нужно иметь много силы и мужества. Мы находимся, однако, все на положении «героев» трагедии и, чтобы остаться «героем трагедии», надо с достоинством и глубиной принимать свой путь, иначе мы впадаем в безнадежный пессимизм. Надо иметь бесстрашие духа и совести, чтобы стать на эту позицию, чтобы сохранить в себе трагическое восприятие истории, к тому же мы не можем сосредоточиваться на одной только нашей сегодняшней буре, но должны заглянуть в самый корень того, что происходит в необычайной глубине мирового зла.

Особенно надо иметь мужество совести, чтобы заглянуть в глубину зла, сознать наше участие в нем, нашу вину.

Пока мы думаем, что кто-то другой виноват – мы еще не осознаем всей трагичности истории, ибо лишь тот проходит подлинную трагедию, кто осознает свою вину.

Тут нужна большая сила духа и совести, нужна честность сознания того, чтобы отдавать себе отчет во всем том, что мы называем злом современности, почувствовать нашу ответственность за него.

Зло растет в мире ныне в такой страшной прогрессии, какой еще по истине не было видно в мире. Конечно, и раньше в истории было много ужаса, невероятного торжества зла, но все-таки, есть достаточно оснований думать, что такого обилия и такого страшного роста зла еще не бывало. Может быть самое страшное из всего этого атомная бомба, которая будучи с одной стороны следствием великих успехов в науке, вместе с тем является страшным симптомом того, что и наука служит уже открыто и без колебаний торжеству зла и смерти.

Страшно то, что могучее развитие знаний в последнее время привело к таким последствиям. Рост знания является одной из самых светлых сторон в движении человеческого духа и можно было надеяться, что торжество науки, торжество образования, знания постепенно будут смягчать всю остроту нашей неустроенности. Если можно было раньше на что-либо рассчитывать, то именно на науку – это казалось была «твердая скала». И вот эта самая основа нашей веры в прогресс, она-то и предала!

Знание (об этом давно уже говорили) служит гораздо больше злу, чем добру. Ученые, оставаясь лично добрыми людьми, уверяют нас, что из жалости к человечеству они выдумали эти страшные орудия; будто бы из-за этого война станет невозможной в будущем. Может быть изобретатели бомб, снарядов, газов, в самом деле одушевлены надеждой, что чем страшнее оружие, тем больше шансов, что войны не будет, но фактически сила знания оказалась во власти злых сил – это очень зловещий факт.

Куда же дальше может двинуться техника, если она окажется к услугам зла?

Нас уверяют, что собственно все эти открытия гораздо больше послужат хозяйственному прогрессу, интересам жизни, чем интересам разрушения.

Несомненно, какую-то маленькую пользу извлечет хозяйство из всех открытий, но страшное зло будет извлекаться из него в безграничном количестве. То, что техника стала бесспорным орудием зла, есть очень роковой факт, потому что каждое изобретение влечет за собой новые изобретения, новые исследования.

Ученые всего мира продолжают свои злые исследования, и в разных частях мира теперь существуют, например, специальные комиссии, которые должны изучать разложение атома.

С другой стороны, если вы читаете и следите за процессом Нюрнбергским, нельзя не признать, что перед нами нечто чудовищное. Нельзя было даже вообразить того, что из обвинительных актов открывается. Выступает чистое зло, не то зло, которое кажется необходимым в процессе борьбы, – нет, здесь налицо бесцельная жестокость, массовое уничтожение людей, обречение их на голод, на смерть, без всякой пользы для тех целей, с которыми была связана война.

Конечно, перед нами подлинная идеологическая буря, которая влечет за собой уничтожение людей, перед нами подлинный взрыв дьявольской злобы.

В нашей стране миллионы людей зря погибали, – и здесь налицо была та же дьявольская злоба, которая владеет массами. Государство, о ценности которого так много писали в середине и начале XIX века, дошло ныне до таких тиранических форм и вместе с тем таких уже безжалостных, циничных действий, что может быть это еще страшнее атомной бомбы. Бомба есть нечто иное, использование сил природы, а здесь мы имеем человеческую волю, до конца охваченную страстью к разрушению.

Все эти явления говорят нам о том, что может быть мы имеем сейчас только начало настоящей исторической бури, что человечество вступило в очень страшный период истории.

Если Вы сейчас читаете газеты, то узнаете о бесконечном переселении людей из одной страны в другую. Они теряют все, что у них было, но прежде всего гибнут дети, ибо всюду развиваются эпидемии. Война кончилась, а уничтожение людей продолжается, причем не в меньшем размере, чем во время войны. Мы находимся и может быть даже еще не в зените, не в самой высокой точке мирового зла. Зло растет, и этот рост зла ставит вопрос какой же смысл всего этого?

Этот вопрос неотвратим вообще, но особенно он мучителен для христиан, так как мы дорожим идеей Промысла, мы верим, что Господь определяет пути истории.

Каждый человек, серьезно переживший нынешние события, уже не может совсем отстранить этой идеи. Человеческий дух слишком глубок для того, чтобы нынешние факты считать исторической случайностью. Среди слепого «бессмысленного» хода природы, один человек подчинен кроме природы какой-то высшей силе, как была минимальна идея Промысла, она остается единственной нашей опорой.

Если верна римская поговорка «Пока дышу, надеюсь», то смысл этой надежды в том, что обидное и мучительное торжество зла когда-нибудь кончится, что правда и добро еще вернутся на землю.

Идея Промысла и проявляется прежде всего в надежде. Пока мы живем, мы все надеемся, что когда-то откроется смысл жизни, когда-то страдания покроются благодным итогом. Идея Промысла может быть переносима в загробную жизнь, но все равно, самая жизнь освящается надеждой на то, что хотя бы в другом мире торжествует добро.

Если бы этот мерцающий свет надежды погас, жить стало бы невозможно. В общем должно признать, что надежда никогда человека не покидает: если временами свет и уходит, то тогда наступает чувство богооставленности, состояние отчаяния. Поэтому в личной жизни идея Промысла неистребима, она держится в самых бессознательных глубинах души.

При виде, однако, того, что совершается с другими людьми, идея Промысла бледнеет, вид чужих несчастий, роковые сцепления обстоятельств, наполняют нас такой болью, что становится трудным верить в Промысел. Давно было указано, что сострадание тяжелее

страдания. Сострадание сжимает сердце с такой силой, что трудно жить, и мы предпочли бы часто умереть, чем видеть чужие страдания, хотя бы наша личная жизнь была бы сносна. Отсюда и рождается то состояние духа, которое так ярко выражено в Иване Карамазове: «Я не Бога не принимаю, я мира не принимаю».

Мне сказал недавно один человек: «Мне стало противно жить, я не могу больше читать газет, выносить того, что они приносят. Я лучше закроюсь, все окна закрою от того, что происходит». Это состояние невозможности выносить зло означает, что сердцу уже нечем переживать ужасы жизни. Но еще все это мучительнее, если мы переходим к историческому бытию, здесь еще труднее усмотреть Промысел Божий.

В жизни отдельного человека есть, конечно, много непонятного, но оттого, что это лишь отрывок жизни. Если бы мы знали, что будет за гробом, с этой душой, нам бы открылся смысл страданий этой души на земле. Для религиозного сознания индивидуальные судьбы освещены загробным периодом жизни и потому они освещаются верою в Бога, но когда мы обращаемся к исторической судьбе народа, к истории, то это становится гораздо труднее.

Конечно, нам хочется думать, что Промысел в истории не менее действителен, чем в жизни отдельного человека.

Странно и страшно, что в истории (особенно в наше время) даже положительные явления в силу какого-то извращения стали проводниками зла. Возьмем, например, национальное сознание – это очень высокая и ценная сила. В национальном сознании человек начинает жить в более широкой атмосфере, чем раньше, он воодушевляется идеей народа, находит в себе новые силы. В этом есть какое-то возвеличение духа человеческого, есть неисчерпаемая сокровищница для духа. Развитию национального сознания мы все очень обязаны. Но увы, как раз эта великая сила духа привела к страшным вещам в истории: национальное чувство ныне становится источником страстей, горделивой мечты подавить другие народы и господствовать над ними, превратить их в рабов. Может быть эта болезнь есть специфическое свойство высокой культуры, ведь она появляется только тогда, когда созревает сознание мощи народа, когда накапливается сила народная.

Возьмем другую область – что может быть выше мысли о тех бедных людях, к которым судьба не была жалостлива, кого она придавила? Это мысль самая возвышенная – это любовь к брату. Отсюда родилось много светлых явлений в истории – подлинный социальный идеализм. Но социальный идеализм уже давно стал облекаться в революционные формы, от которых поднимаются кровавые призраки – увы, революция не бывает без крови! Великая идея, социальный идеализм перерождаются в идею насильственного переворота, – и уж тогда нет никому пощады, идея добра подменяется идеей будущего рая на основе революции.

Возьмем идею государства. Напомню идеологию государственности Фихте, Гегеля. Это было очень высокое, чисто моральное понимание государства, но рост государственности привел к тирании, власть теперь вмешивается решительно во все, подавляет свободу не только слова, но и мысли. Если узнает правительство о том, что вы думаете не так, как ему «нужно» – то вы уже подозрительный человек, потому что вы мыслите не так, как диктатор.

Теперь не стали даже удивляться тому, что государство присваивает себе такие функции. А между тем государственность сама по себе есть великое достижение истории, настоящее творчество «объективного духа», потому что государство есть духовный организм.

Вот и приходится констатировать, что такие великие вещи, как любовь к ближнему, государственность, национальное чувство, все это оказывается источником заразы,

проводником зла. Таким образом надо сказать: современный культурный мир в целом настолько болен, настолько неизлечимо болен, что он не может прогрессировать в сторону добра. Сомнение в том, что в истории действует Промысел, становится как будто оправданным. Что на это сказать?

Я не буду касаться вопроса так называемой «теодицеи» – т. е. обвинения, предъявляемого Богу человеческим сознанием ("зачем мир создан так, что в нем возможны те явления, которые происходят" – и т. п.).

Самый вопрос такой – уже есть бунт против Бога, особенно когда начинают говорить, что Бог «занят небом, не землей», что «история отдана на откуп дьяволу». Этого вопроса, очень болезненного и острого я не буду сейчас касаться, равным образом я не буду касаться тех высказываний, которые сводят зло к торжеству язычества, вообще не буду касаться современного «обличительного радикализма».

Очень часто наше христианство переходит в обличение современного язычества – это вполне естественно, ибо всякий свет прогоняет тьму; поэтому христианскому сознанию так естественно обличать неправду. Такой обличительный радикализм однако особенно характерен для нашей стадии христианского сознания. Ведь нет ничего легче и проще христианину, как обличать современную неправду, ибо она всем ясна. Не возражаю против этого, но скажу, что христианство нужно миру, не потому что оно обличает, а потому, что оно спасает его. Где же те положительные указания, которые христианин может получить? Этим я хотел бы заняться сегодня, это вопрос победы над злом, а не обличения зла – и это вопрос победы правды над неправдой.

Возможна ли христианину победа над злом; или иначе, что христианину делать сейчас перед лицом зла, которое есть в мире?

Прежде всего нам нужно объявить какой-то крестовый поход под знаменем покаяния. Нет чужой вины, есть наша общая вина в том, что происходит; Достоевский прав, что все виноваты за всех, да и трагедия нынешнего дня есть трагедия вековая, потому что мы все здесь виновны. Важно сознать это, важно покаяться в нашей холодности и бессилии, ведь если бы в нас была христианская сила, то зло не могло бы так торжествовать, как оно торжествует ныне. Это есть обличение нашей слабости, тот суд, который должен начаться от нас самих, ибо Господь начнет суд от Церкви. Поэтому и мы сами должны первые сознать свое соучастие в современной неправде. Это очень трудно вместить в души, каждый готов спросить себя насколько все это не мнимо, не фантазия, разве мы ответственны за неправды мира? Есть тысяча мелких вещей, которые мы наделали, за которые мы ответственны, но все это мелкие вещи, они могут относиться к моим соседям и близким, но не к мировому историческому страшному бедствию.

Какое отношение могли иметь мои грехи к мировой неправде? Тут есть нечто непропорциональное, тут есть какое-то несоответствие. Поэтому очень трудно принять эту идею общего покаяния в качестве внутреннего переживания. Но если мы до него не доберемся, мы едва ли сможем заглянуть в глубину мировой трагедии, потому что покаянием начинается христианское самосознание. Пока мы не дойдем до этой позиции покаяния, мы не найдем правильного отношения к трагедии мира, – мы эту трагедию действительно так часто превращаем «в мещанскую драму», лишенную того величия, которое в ней скрыто. Чтобы быть с «веком наравне», понять смысл нашей эпохи, для этого нужно прежде всего до глубины заглянуть в ее трагедию. А без покаяния в своей вине можно ли правильно понять трагедию мира?

Обличать зло мира, выявлять его неправду не надо много труда, но чтобы до конца понять, в чем трагедия мира, для этого нужно покаяние.

Тут возникает вопрос, насколько для нашего сознания этот путь еще открыт. Можем ли мы не просто констатировать зло, но понять, как глубоко идут его корни?

Тут нужно глубоко в самом себе копать. Кстати отметим, что люди святой жизни считали себя такими тяжкими грешниками, какими мы себя никогда не считаем. Почему было это у святых людей? Почему чувство мировой вины у них усилилось от их святости? Конечно, потому что когда человек свободен от мелких грехов, тогда выступает перед ним вся темная глубина первородного греха. Нужно поэтому сказать, что пока мы не дойдем до сознания нашей ответственности за мировое зло, т. е. до сознания, что мы тоже виноваты в нем, что мне нужно начинать с того, чтобы лечить самого себя – до тех пор мы не найдем и путей к исцелению мира.

Это звучит педантично, вроде наставления детям, но это является подлинной истиной. Если мне удастся овладеть своими страстями или, по крайней мере, тем рычагом, который мог бы остановить их развитие, тогда откроются для меня иные пути жизни.

Исцеление мира идет через человека. Я не хочу этим отвергать полезность разнообразных социальных реформ, но думать, что этим что-нибудь делается для мировой болезни – невозможно. Дай Бог всем получать больше денег, чтобы всем хватало пропитания, всем обеспечить тепло, все эти основные вещи, дай Бог чтобы они были, но это не изгладит зла.

Оно таится в глубине души и никакие социальные реформы не могут изгнать его. Не случайность для современной эпохи то, что театры стали суррогатом церкви: действительно для театра у нас всегда найдется время, а для церкви времени нет.

Это явление, конечно, трагического порядка; а то что театр становится суррогатом церкви, это связано с потребностью быть там, где много людей, где масса.

Это странная и новая функция театра, которая несомненно связана с упадком вкуса к Церкви. Театр начинает играть новую религиозную роль, в нем есть пафос, а душе человеческой нужно чем-то восхищаться, верить в то, что жизнь будет лучше. Человеку нужен пафос, душе невозможно жить без того, чтобы она горела, чтобы она была согрета энтузиазмом – такова природа человеческой души.

Но единственное настоящее обновление мира может придти лишь через оживление христианства, – наше же «одиночное» христианство, хотя сливается с другими в невидимый фонд добра, но мира не меняет.

Тургенев однажды высказал такую мысль: «Я глубоко верю, что никакое движение добра в мире не пропадает». Все что есть доброе в мире, как бы оно ни было ничтожно, действительно складывается в некий невидимый фонд добра. Этот фонд добра растет, и потому и «одиночное», скрытое, интимное обновление души во Христе идет в общую сокровищницу. Но все это остается невидимым, лишенным силы Христовой.

Чтобы явить силу христианства, нужна христианская общность, христианские общежития – не знаю как это назвать лучше. Думаю, что если христианские общежития возможны, если возможны островки христианской культуры, то они будут подобны монастырям, т. е. будут построены на принципе иерархии.

Кто жила в монастырях, тот знает, что в монастырях идет общая жизнь, иерархически

построенная, и это дает стройный аккорд, получается удивительное единство. Мы стоим перед возможностью, необходимостью, чтобы люди, которые хотят перестроить по-христиански свою жизнь, захотели соединиться вместе и построить общую жизнь на началах братства, образовать из нескольких семей одну общую семью. Это, конечно, предполагает общее одушевление, жажду найти путь совместной доброй жизни.

Для этого нужна огромная сила любви; у нас нет других христианских средств, ибо нужна нам не сила слова, а сила любви прощающей. Это путь новый, трудный, но как же нам решить мировую проблему, если не сможем решить ее в размерах общежития?

Христианство есть подлинная сила, но эта сила вся связана со способностью любить людей, прощать их недостатки и в то же время искать добра и правды. Это крест, ибо прощать – самая трудная вещь.

Бесконечно трудно соединить любовь к правде, строгость к самому себе с прощением чужих слабостей, идти к людям с прощающей любовью. Оттого так трудно жить людям друг с другом.

Мне кажется, что проблема христианской культуры потому так трудна, что мы не умеем жить вместе, общно. Мы все не с того конца начинаем, все ищем внешних реформ и на них надеемся. Конечно, дай Бог всем много денег, товаров, продуктов, дай Бог всем здоровья, но все это нас ничуть не подвигает к решению вопроса о торжестве зла в мире.

Позвольте закончить одним личным воспоминанием. Однажды, когда я уезжал из Белграда на два месяца, туда приехал один профессор, чтобы занять кафедру в университете. Я предложил ему временно остановиться у меня, пока он найдет себе квартиру. Возвращаясь домой, оказывается он у меня в квартире. Квартира моя небольшая, всего одна комната. Мой профессор, видя некоторое мое недоумение, говорит: «Мне очень хорошо здесь у вас», но мне-то вдвоем не очень хорошо! Должен сказать, что я бунтовал долго. Мой коллега был старше меня, и вот я решаю, что раз он не хочет покидать моей комнаты, я найду себе другую. Коллега мой был с причудами, да и комнатка маленькая. В ней едва помещался один столик. Но когда я решил съехать, мне вдруг стало стыдно, что я не могу ужиться с коллегой. Я остался жить, – и вот мы сдружились так близко, жили так хорошо, как дай Бог всякому. Я думаю, что действительно нет другого решения, как принять сложившееся положение. Мне казалось, что будут трудности ужиться в одной комнате, а оказалось, что вышло из этого одно добро. Я хорошо, конечно, понимаю всю реальную трудность христианских общежитий, понимаю, как трудно принимать общую совместную жизнь при различии вкусов, привычек, всего стиля жизни. Да, это так, но в возможности христианских общежитий и таится ключ к исцелению мирового зла.

Если бы какая-нибудь группа христиан захотела ужиться вместе, если бы попробовала и добилась этого, то мы бы увидели, что именно в этом лежит путь к христианскому обновлению и всего мира. Лишь через приятие людей и любовного отношения во мне, растворятся те перегородки духовные между людьми, которые не могут быть сняты никакими внешними реформами, а между тем победа над злом, преодоление мировой трагедии в том и заключается, чтобы восстало между людьми чувство братства.

В осуществлении братства в общежитиях, в этих своеобразных монастырях, объединяющих семейных людей, и лежит та правда, какую возвещает нам христианское чутье перед лицом всеобщего озлобления и ненависти.

Фери фон Лилиенфельд: О некоторых причинах приостановки исследований о Ниле Сорском и его роли в истории

История церкви

То, что вы сегодня здесь слышите, - это плач уже состарившегося автора о судьбе ее первой монографии. Речь идет о книге «Нил Сорский и его писания. Кризис традиции на Руси при Иване III» (Берлин, 1963 г.). Сутью этой книги, практически ее важнейшим итогом для меня самой как исследователя, был тезис: Нил Сорский хотел реформировать монашество своего времени (в том числе и русское монашество), он призывал к возрождению древнецерковного пустынножительства, классического Skhvhth. Это могло произойти, если бы люди вернулись к истокам, к изречениям и обрядам богоносных отцов пустыни III-IV вв., к отеческому преданию, к патерикам и представленной там жизни.

Синаитский исихазм Нила Сорского был для него средством, позволившим ему научиться самому и научить других старинному классическому образу жизни. Ведь избранный им учитель Григорий Синаит подчеркивал: «Умному деланию», которое и есть самое подлинное монашество, можно научиться, читая писания, если перед глазами нет учителя, который, по примеру древнего монашества, был бы истинным и долгожданным. Именно поэтому Нил Сорский не только цитировал Григория Синаита, «Слово о трех образах молитвы» Симеона Нового Богослова, Никифора или даже «Аскетическую» Василия Великого. Прежде всего он ссылаясь на изречения отцов пустыни, старцев. И поэтому он не только написал свое «Предание ученикам» и так называемый «Устав скитский» для научения настоящей монашеской жизни, но и основал скит на реке Соре и таким образом ввел на Руси традицию жизни старца с его учениками по примеру отшельнических поселений древних монахов-пустынников. С такой жизнью сам он познакомился на Афоне. Только так монах действительно может уйти от мира сего, где на его душу посягают злые силы, искушают его и склоняют к пагубным порокам, и подготовиться себя для стяжания Духа Святого, Которым он и спасется, считает Нил и показывает это с помощью отеческого предания и учения синаитов-исихастов тем, кто хотел бы продолжить его традицию на реке Соре или где-либо в другом месте. Так говорит и живет Нил со своими учениками на Соре, так человек бывает спасен, так он спасается. ("Спаситься" - пассивный и медиальный залог одновременно, и этого нам нельзя забывать. Классический вопрос очарованного странника к духовному отцу в пустыне звучал так: «Pw` » swqw`?" И так в русском монашестве начинается долгая история «спаситься».) Вероятно, я тогда в своей книге допустила ошибку, недостаточно подчеркнув, что в свете монашества древности, о котором все время думает Нил в его ските, учение и жизнь едины, неотделимы друг от друга. И это особое единство - «императив и индикатив» - несет в себе монашество в своих первых исторических формах, так же как и слова Самого Иисуса Христа, особенно в традиции Евангелия от Матфея. Возможно, как раз здесь и скрыта причина того, что так огорчает меня все эти десятилетия после выхода в свет книги о Ниле Сорском. Моя работа вызвала всеобщее одобрение в кругах специалистов, но ее итоги никем не были по-настоящему восприняты, во всяком случае они не получили дальнейшего развития. Только сейчас, в 1994 г., когда уже был подготовлен этот доклад, я нашла подлинное восприятие моих научных выводов и кое-какое их развитие, о чем я всегда мечтала. Томас Шпидлик в своей чрезвычайно важной книге «Русская идея» показал то значение, которое имел возврат Нила к пустынножительству для более позднего русского монашества³. Однако это произошло только сейчас, 30 лет спустя! И все это вошло в большой обзорный труд. Как было бы важно, если бы

кто-нибудь, отталкиваясь от выводов, уже сделанных мною, поставил бы уже конкретный вопрос о том, какую роль Нил играл (или, возможно, не играл) во времена Ивана III, в контексте знаменитых «сомнений и шатаний». Эти мои суждения не означают, что за последние 30 лет о Ниле Сорском и о заволжских старцах совсем ничего не было написано, но за все прошедшее время я нигде не нашла дальнейшего развития идеи, которую тогда выразила так: Нил Сорский по существу хотел возрождения пустынножительства. Сегодня, оглядываясь назад, я вижу главную причину того, что никто не развил основную научную идею моей книги, – вся дискуссия вокруг Нила Сорского и заволжских старцев всегда ограничивалась кругом вопросов и позициями, определенными в XIX в. Так было и в советское время, и не только в России, но и на Западе. После того, как изжил себя взгляд на историю как на историю властителей, ее стали понимать в значительной мере как историю народов в национально окрашенном романтическом смысле, а собственно национальную историю (Гердер оказал сильное влияние на ее понимание) – как историю течений и направлений. И здесь в дальнейшем большую роль сыграли Гегель и его ученик Маркс. Тут речь шла об идеях, сталкивавшихся между собой, об их носителях и поборниках, или наоборот – об общественных силах, «классах» и их идеологиях, носителями которых ("характерными масками") потом уже были конкретные личности. Таким образом, во второй половине XIX в., судя по всему, больше шла речь о стяжателях и нестяжателях, т. е. о партиях в русском обществе, сложившихся в результате спора об имуществе, прежде всего о монастырских землях, об отношении в ведущих церковных кругах, среди «иосифлян» и заволжских старцев, к так называемым «новгородским еретикам», об отношении церкви к московскому великому князю и к его усилиям по созданию единого Русского государства с ним самим во главе, о его претензиях к церкви и о претензиях церкви к нему. Нил Сорский и рассматриваемый как его противник Иосиф Волоцкий⁴ выступают тут как идейные руководители противоборствующих сторон, или, скажем, как их представители. Теперь, анализируя происшедшее в исторической перспективе, мы все яснее видим суть дебатов XIX в. Не в последнюю очередь этому способствовали философские замечания Карла Поппера, который не устал подчеркивать, насколько серьезно взгляды исследователя на историю влияют, с одной стороны, на результаты его научных исследований, а с другой, сами эти взгляды определены заранее отношением ученого ко времени, в котором он живет, и к современным историческим проблемам. Сегодня мы видим, как серьезно отразилось на исследованиях историков XIX и XX вв., занимавшихся «иосифлянами» и заволжскими старцами, их собственное видение правильного решения проблем российской действительности в области отношений государства и церкви, церкви и государства с точки зрения того, как эти проблемы ставились в современной России. Историческое видение исследователей не в последнюю очередь зависело от их отношения к вопросу, ставшему предметом бурных дискуссий в России на рубеже XIX и XX вв., о смысле или бессмысленности монашества как такового в «современном» обществе. Эта проблема дискутировалась прежде всего вне церкви, но и внутри ее самой, особенно среди так называемого «белого священства», женатого клира. Эта дискуссия как в России, так и во всей Европе была в значительной степени определена различными полюсами существовавшей шкалы ценностей: «либеральный» – «консервативный», «прогрессивный» – «регрессивный». Постоянно ставились вопросы: кто же из двух «глав школ» прав в решении животрепещущих проблем современности? Должна ли церковь (о неточности этого выражения мало кто задумывался) отдать себя полностью во власть «православного царя», «помазанника Божьего», и таким образом получить от него защиту и обеспечить себе главенствующее положение, а в обмен на это благословить (безусловно?) его (царя) господство? Должна ли церковь требовать светско-правового приговора, даже смертной казни для выявленных ею и заклеянных еретиков или ее долг состоит в том, чтобы молиться за заблудших и тем самым способствовать их исправлению? Имеет ли церковь (в XV-XVI вв. речь шла о монастырях) социальные обязательства перед народом? Под народом подразумевался церковный «laos»⁵ из литургических текстов, но тем самым имелось в виду все общество страны, все бедные и нуждающиеся (тогда у Иосифа

Волоцкого это звучало так: попечение о крестьянах приписанных к монастырю деревень в голодные времена, приют путешественников, организация приютов для больных и престарелых в монастырях, подготовка смены для церковной иерархии). Или обязанностью «церкви» является «только» попечение об исцелении души ее духовных чад, что достигается только путем обращения? Монашество проповедует покаяние как путь к обращению, и само своей жизнью показывает пример покаяния. И исследователи-историки рассматривали вопрос об Иосифе Волоцком и об «иосифлянах», о Ниле Сорском (что и является предметом нашего сегодняшнего обсуждения) и о заволжских старцах уже с тех позиций, которые они занимали в отношении проблем своего времени. И, таким образом, в духе XIX в. Нил Сорский рассматривается уже как «либерал», сторонник принципа внутрицерковной критики, особенно в отношении современного ему монашества. С этих позиций он «отвергал чисто обрядовую религию», «выступал за религиозную правоспособность и самоопределение мирян», т. е. «за духовную свободу», «выступал против церковной клерикальной политической власти» и против церковного имущества как столпа, на который опирается эта власть. Нил Сорский и заволжские старцы «принадлежат к партии протеста» в русской церкви на рубеже XV и XVI вв., и т. д., и т. п. Таким образом, если рассматривать проблему с такой точки зрения, в конце концов получалось так, что Нил Сорский и его ученики, предположительно будучи внутренне близкими новгородским еретикам⁵ (а исследователи данного вопроса с симпатией относились к предмету своих исследований), были готовы выступить за реформу, либерализм, свободу совести и терпимость в собственном государстве, в обществе и церкви. Советский период в русской исторической науке мало что изменил в таком отношении к великому старцу. Только с позиций марксизма-ленинизма односторонне на передний план был выдвинут вопрос об отношении Нила Сорского к монастырским землям, а также подчеркнута его поддержка набравшего тогда все большую силу великого князя. Прежде всего те давние события должны были теперь рассматриваться как этап классовой борьбы. Советские историки, такие как Б.А. Рыбаков и авторы большой «Истории русской литературы» (том II), а также «Очерков истории СССР», высказывают предположение, что Нил Сорский происходил из боярского рода Майковых. Это им нужно для того, чтобы разглядеть под монашеским облачением «бархат боярского кафтана» (так у Рыбакова) и таким образом утверждать, что с идеями Нила Сорского связана борьба бояр за сохранение своих богатых вотчин и за власть в государстве, борьба против власти великого князя. Однако великий князь все-таки одержал победу в этой борьбе, и светские и церковные феодалы вынуждены были покориться ему. Как и в XIX в., советская историческая наука пыталась классифицировать такие явления как Нил и его ученики, вместе с «иосифлянами» и «жидовствующими» по одной и той же шкале ценностей: регресс или стагнация, с одной стороны, и прогресс в истории, с другой. Вера в прогресс, этот плод нового времени, была в СССР нерушимой, только роли сторон были перераспределены.

Перевод с немецкого Галины Кириленковой

1 Доктор богословия, профессор Эрлангенского университета (Германия), Фери (Вера) фон Лиленфельд является активной участницей православно-лютеранского диалога.² Залог, существовавший в индоевропейском языке, где наряду с активным был медиальный (средний) залог. Медиальный залог стоит посередине между активным и пассивным. В этом случае действие направлено на субъект и одновременно от него исходит. Следы этого залога сохранились только в готическом и древнеанглийском языках. В других германских языках этот залог отсутствует полностью. (Немецкий язык. Энциклопедия. Лейпциг, 1969). – Прим. перев.³ Томас Шпидлик. Русская идея. Иной взгляд на человека. Париж, 1994, с. 141 и последующие.⁴ В исследовании И.С. Лурия-Лурье было показано, что квалификация обоих церковных деятелей как глав противоборствующих сторон очень спорна. Диссертация, защищенная Джоан Холанд в Оксфорде углубила это впечатление. Мои исследования тоже были направлены в это русло.⁵ Сегодня, благодаря научным исследованиям последнего

десятилетия, в частности, работе Джоан Холанд, мы видим, что необходимо пристально рассмотреть понятие «жидовствующие» и дать ему новое определение.

Священник Георгий Кочетков: Святой Нил Сорский как выразитель церковной традиции

История церкви

Традиция святых, от апостолов до наших дней, сохраняется Церковью для того, чтобы мы могли сконцентрировать свои силы для свидетельства и чтобы нам не бояться того креста, который связан с этим свидетельством.

Свидетельство — великая радость и великий свет, свидетельство о Христе всей жизнью. Но нести этот крест приходится через тернии. Приходится преодолевать тяжесть, инерцию внутри себя — инерцию мышления, инерцию чувств, инерцию расслабленности нашей воли, когда нам кажется, что куда бы ни вывело — все хорошо, «все от Бога», и если мы меньше будем руководить собою и обстоятельствами — лучше будет всем, потому что мы ничего доброго сами сделать не можем.

Существует инерция разного рода. Конечно, есть и инерция духа: если дух отяжелевает, тяжелеет, то и в духовной жизни появляется инерция. Вспомним слова Священного писания: «Духа не угашайте». Значит, дух можно угасить!

Дух подобен огню, подобен раскаленной лаве, которая имеет в себе огромную силу, несет с собою огромную энергию. Но если угасить, застудить ее, то она превращается в камень, подобно тому, как в соляной столб превратилась жена Лота, однажды обернувшись назад. Так же оборачивались назад и иудеи, шедшие из Египта, вспоминая мяса египетские, — удовольствия египетской жизни, хотя там они были рабами.

И в наше время сплошь и рядом мы видим то, как люди оборачиваются к Египту, к стране тьмы, к стране рабства. Им кажется, что коли прежде было больше колбасы или чего-то подобного, то жизнь была и лучше.

Как часто люди не боятся угашать свой дух и дух своих ближних! И тогда возникает всё та же инерция духа, которая все более и более делает непохожим сам этот дух на благодать, на Дух Божий.

Человек так дивно устроен Господом, что его дух вполне может сочетаться с Духом Божьим, его, человеческий, дух может быть столь легким, столь прозрачным, столь быстротекущим, столь свободным, что он может действительно соединить человека с Богом, Божьей благодатью. Если наш дух тяжел, мрачен, если он инерционен, массивен, кондов — тогда не происходит этого соединения. Даже если кажется, что в нашей духовной жизни ничего неверного нет. Как часто в нашей истории происходило нечто подобное, и не только во времена раскола XVII века, когда именно тяжесть духа придала такую инерцию церковной форме! Сама по себе эта форма была православная, она была не плоха, но вот эта кондовость православной жизни привела к тому, что она не смогла вместить в себя никакого изменения, не смогла показать в себе признаков жизни, признаков свободы — и раскололся дом внутри себя. И до сих пор люди страдают от этого раскола.

Но отчего пошел этот дух тяжести и кондовости в современной православной русской жизни? Как нам не вспоминать времена более ранние, когда боролись «стяжатели» с «нестяжателями», когда боролась формально-культурная и социально-экономическая сторона жизни церкви с жизнью более легкой, духовной, пророческой, когда не просто ради аскетических подвигов заволжские старцы призывали людей быть свободными, а они знали, что сама она — гарант подлинной жизни Церкви в ее полноте?!

И вот эта гарантия была отвергнута. Ради стяжаний были искореняемы в церкви «нестяжатели», благочестивые люди. И несмотря на то, что преподобный Нил Сорский, основатель и вдохновитель этого движения «нестяжателей», был потом как бы случайно (но мы знаем — по воле Божьей, и притом одновременно с преподобным Серафимом Саровским) признан церковью святым, остались и действуют постановления соборов и писания святых нашей церкви, осуждающие «нестяжателей» и требующие смертной казни еретикам.

К сожалению, мы подчас плохо знаем собственную историю, и поэтому неверно можем оценить исторические ошибки церкви. В Италии в XIII веке тоже были спиритуалы-францисканцы и Якопо ди Тоди (1230 — 1306), судьба которых напоминает судьбу наших нестяжателей. Не будем сейчас судить главу «стяжателей», преподобного Иосифа Волоцкого, чудотворца, не будем говорить о нем, Бог ему Судия. Мы говорим о том, какие тенденции в нашей церкви повлияли на нашу жизнь трагически, когда жесткое закрепление соборами тех или иных форм благочестия привело к тому же открытому расколу в XVII веке, когда уже одна партия «стяжателей» победила другую партию «стяжателей».

Патриарх Никон и протопоп Аввакум были главами этих партий. Слава Богу, мы не считаем себя «никонианами» и никогда не причисляли к лику святых патриарха Никона, хотя и жалеем его за его осуждение. Это был выдающийся человек. Но старообрядцы канонизировали протопопа Аввакума. Впрочем, был и повод: вспомним о кончине этого старца. Однако и та, и другая партии несли в себе и с собою один и тот же дух — дух агрессии, тяжелой, кондовой формы благочестия, тот дух инерции, который мог мстить, унижаться и унижать в так называемом «христианском» государстве. И это мы видим в дальнейшей нашей истории, вплоть до наших дней, когда малейшая попытка освободить дух, не гасить дух вызывает жесткую, непримиримую оппозицию. Мы можем только сожалеть об этом. Пока нам еще чаще всего удается избежать столкновения лоб в лоб с этой тяжелой, кондовой, инерционной духовной (страшно сказать — духовной) силой.

Действительно, ведь эта сила духовная. Мы не можем сказать, что люди, выступавшие на стороне Иосифа Волоцкого, патриарха Никона и так далее, вплоть до наших дней, совсем уж не духовные или не благочестивые. Грехи бывают у всех. Дело не в том, сколько их у того или другого человека, а в том, — можем ли мы сохранить дух свободы, дух пророчества, можем ли мы быть верными Святому Духу, Его дыханию в Церкви.

Существует серьезная опасность для всех нас потерять этот Дух, и тоже как бы сгуститься, и опуститься на землю или далее в нашей духовной жизни. Эту опасность многие чувствуют, даже те, которые, может быть, плохо знают историю, плохо знают, откуда что берется и к чему ведет. Но наверное, просто веяние Духа Святого открывает нам, что это за опасность. И поэтому так важно для нас достойно наследовать традицию святых апостолов, испытывая себя, вникая в себя, концентрируя в себе все то, что может противостоять духу инерции, духу тяжести.

Подчеркиваю еще раз даже если это тяжесть духовная. Мы часто гонимся за духовной жизнью, но качества духовной жизни не различаем, не разумеем, и поэтому впадаем во множество грехов и страстей, часто «оборачиваемся назад, взявшись за плуг», часто повторяем ошибки, которые, кажется, стыдно повторять после всех уроков, полученных из нашей истории.

Святые со времен апостолов смогли проповедовать Слово Божье, проповедовать Христа и победить неверие и зло в этом мире, в огромном количестве сердец, потому что их дух был свободен, потому что они могли не только обрести этот дух, освободив сердце от всего тяжкого, заполняющего его, но и могли пронести этот дух через свою жизнь, служа им Богу и ближним во всякий день своей жизни. И мы радуемся Духу Святому, радуемся благодати, радуемся Любви и Свободе в Церкви, когда бы и от кого бы ни проявлялось это действие Духа. Но при этом мы иногда бываем легкомысленны, как дети. Так же, как это было с древнейших времен в нашей церкви. Вспомним второй и третий века, перед которыми многие и многие согласны были бы и сейчас преклониться. Наступали гонения, и дух собирался, люди были готовы даже на мучения и смерть ради Христа, они были готовы бросить все, сложив к ногам Христа. Но вот гонения ослабевали, кажется, налаживалась обыкновенная, человеческая, нормальная жизнь — и что же? Дух остывал. Остывал настолько, что люди были уже не готовы нести этот пламень в руках и в сердцах своих. И тогда происходили нестроения, расколы, церковные болезни в большом числе. И святые, как это ни парадоксально, часто говорили, что «кровь мучеников — семя христианства». Они благословляли времена притеснений и гонений, потому что тогда горел дух христианский, тогда были видны не следы Духа, а явления Самого Духа в силе.

Так и у нас, в наше время. Ослабли внешние гонения, все меньше и меньше становится притеснений. Но что мы видим? Если мы способны хоть немного различать знамения времен, то мы даже в самом ближайшем прошлом часто видим то доброе, высокое, свободное, чего теперь нет. Недавно, мне довелось по роду моих занятий и обязанностей, посмотреть некоторые церковные материалы (в частности, «Преображенских соборов» нашего Братства) начиная с 1991 года. Много ли прошло времени с тех пор? Но я был уязвлен в самое сердце именно тем фактом, что очень многие возможности церковной жизни, которые тогда были открыты, явны, прозрачны, теперь не существуют вовсе. Их нет, они погребены под тяжестью духа, остывшего, охладевшего, принявшего только лишь определенные очертания, но потерявшего свободу. Это всего лишь три-четыре года, это те годы, когда, кажется, могло бы происходить так много великого и славного в нашей церкви, в нашей стране.

Мы не однажды говорили о том, что покаяться мы так и не смогли, призывали себя и других к покаянию и радовались самой возможности этого призыва, но покаяться не смогли, не смогли соединиться в этом покаянии в единый хор, в единый глас пред Богом. Частное покаяние людей происходило, происходит и будет происходить, и конечно, есть частные же плоды этого, но общенародного, даже общецерковного покаяния мы не видим. Поэтому мы не видим того обновляющего, освежающего веяния Духа, который так необходим нашим заскорузлым сердцам, всей нашей жизни.

Можем ли мы на это повлиять? Кто мы — малая кучка людей, имеющих столь небольшие, по человеческому суду, возможности? Если мы вспомним, что двенадцать Христовых апостолов смогли перевернуть весь мир, поставив его с головы на ноги, то наверное, мы не будем унывать. Все-таки, слава Богу, мы соединены со всею Церковью, и можем надеяться, что благодаря помощи Божьей мы освободимся от этой инерции духа, и души, и тела настолько, чтобы наше свидетельство, пусть уж, конечно, не стало бы подобным, но хотя бы не противоречило тому свидетельству, которое является основным в Церкви, — свидетельству апостолов, пророков и святых, таких как Нил Сорский.

Если мы отвергнемся себя, возьмем крест свой и последуем за Христом, Господом нашим и Учителем, единым нашим Учителем и Господом, то мы сможем достойно помянуть сердцем нашим этих святых.

Будем помнить, что какая бы традиция ни вливалась в церковную жизнь, она может быть воцерковлена только этой силой свободного духа. Будем стремиться к откровению, к явлению

именно этой силы в нашей жизни, чего бы это нам ни стоило. Не будем пугаться платить за те великие дары, которые сами же мы взыскуем в нашей христианской жизни.

Если мы будем в состоянии вместить хотя немного из того, чему учит нас Господь, чему учат нас апостолы, чему учат нас все святые, чему учит нас великая духовная традиция земли Российской, если мы будем способны вместить в себя это высокое учение, лишённое всякой излишней инерции, но не лишённое формы, то мы и прославим наших святых от всего сердца.

Будем же просить нашего Господа о том, чтобы это было так. Будем просить Господа о том обновлении и освобождении нашего духа, без которого никто не сможет прийти к Господу и стать чадом Небесного Царства. Будем дерзновенно и открыто противостоять всякому охлаждению духа в себе и вокруг себя. Не будем, «взявшись за плуг, оборачиваться назад», но будем, как сказал апостол Павел, «забывая заднее, простираться вперед, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе».

Евгения Иванова: Восток и Запад встретились в Бозе

История церкви

Международная конференция «Нил Сорский и исихазм в духовной истории и культуре России» (Италия, Бозе, 22-24 сентября 1994 г.)

ДУХОВНОЕ наследие Нила Сорского стало темой представительной конференции «Нил Сорский и исихазм в духовной истории и культуре России», проходившей 21-24 сентября 1994 г. в монашеской общине в Бозе на севере Италии. Несмотря на присутствие на конференции историков, филологов и лингвистов, тон здесь задавали все-таки богословы, поэтому конференция вылилась в итоге в заинтересованное обсуждение судеб исихастических традиций в современной духовной жизни России и Европы. Это была уже вторая конференция, главной темой которой было изучение духовного опыта русского монашества. В сентябре 1993 г. в Бозе проходила конференция, посвященная преподобному Сергию Радонежскому*. Инициатива проведения конференции и в том и в другом случае принадлежит Университету города Бергамо, где много лет трудится профессор Нина Каухчишвили, которая вместе с настоятелем монастыря в Бозе о. Энцо Бьянки с большим вниманием относится к изучению традиций русского православного монашества.* В работе конференции принимал участие проректор МВПХШ А.М. Копировский. Из России на конференции присутствовали игумен Платон (Игумнов), протоиерей Виктор Савик, ректор Смоленской духовной семинарии, иерей Георгий Кочетков, ректор МВПХШ, протоиерей Владимир Попов из Пскова, а также ученые А. Плигузов, М.Н. Громов, Г.М. Прохоров, Е. Калькутина, Е. Шевченко, Е.В. Иванова. Посетил конференцию и занимавший в то время должность посла России в Ватикане г-н Юрий Карлов. Монастырская община в Бозе возникла недавно. Устроенное по образцу древних монастырей, это монашеское поселение необычно для Италии — здесь сосуществуют братья и сестры. Основатель монастыря о. Энцо Бьянки пришел сюда с несколькими последователями в 1968 г., чтобы возродить разрушенную временем замечательную романскую церковь XII века, которая находится недалеко от нынешних построек общины. Никто из тех, кто пришел с ним сюда впервые, не дожил в общине до сегодняшнего дня, их место заняли другие. В 1973 г. в общине жили 7 монахов и 4 послушника (8 братьев и 3 сестры). Тогда же решено было послать двух братьев для укрепления контактов с протестантами в Швейцарию, где они основали свое поселение. Сегодня в общине 50 человек (количество братьев и сестер примерно равное), среди

них есть не только католики, но и протестанты, которых при этом не пытаются обратить в католицизм. Община имеет двух пресвитеров и одного пастора, ее духовным наставником является брат Энцо Бьянки, не только основатель, но и несомненный харизматический лидер общины. Около пятнадцати лет назад община основала собственное монашеское поселение в Иерусалиме, где живут теперь три ее брата, задача которых — укрепление контактов с представителями других христианских конфессий, а также с теми, кто исповедует иудаизм. Деятельность братьев состоит прежде всего в изучении общих библейских традиций. Совсем недавно возникли еще два новых поселения: для сестер — в Ассизи, и для братьев — в Остунни. Монашеский девиз общины в Бозе, определяющий весь жизненный уклад братьев и сестер, заключен в двух словах: молитва и труд. Утро начинается с молитвы, после общей трапезы приступают к работе, каждый трудится на своем месте, хотя некоторые виды работ по очереди должны выполнять все. Среди дня ненадолго прерываются на молитву и общую трапезу, затем работа возобновляется до вечерней трапезы, когда наступает час духовного уединения и индивидуальной молитвы. За недолгие годы своего существования общине удалось создать прекрасное хозяйство, обеспечивающее ему независимое от жертвователей положение. Большая часть продуктов питания как и предметы бытового обихода производятся здесь же. Монастырь имеет свой сад, огород, мастерские (столярная, гончарная, переплетная) оборудованы современной техникой, строительство ведется также своими силами. Все это составляет фундамент хозяйственной жизни общины, главная же ее миссия — катехизаторская и просветительская. В монастырь приезжают не только на конференции, но для посещения регулярно проводимых здесь катехизаторских курсов, на которых изучают Священное писание, творения святых отцов, и, конечно, за духовной помощью и советом. Катехизаторская работа сочетается с разного рода издательской деятельностью. Небольшие брошюры выпускаются здесь же, в маленькой монастырской типографии. Более солидные труды переводятся и набираются в монастыре, печатаются в итальянских издательствах, а затем распространяются через монастырский магазин. Специализацией общины является издание книг по библеистике, т. е. изучение Библии составляет основу катехизации, как понимает ее брат Энцо. Его последняя, готовящаяся к изданию работа так и называется — «Молиться по Писанию». Толкование Библии, творения святых отцов в новых переводах, комментарии к ним — все это богато представлено в монастырском книжном магазине, наряду с сочинениями авторитетных богословов всех христианских конфессий. Особое направление издательской деятельности монастыря — распространение духовного опыта православного монашества, поэтому здесь изданы книги, посвященные Сергию Радонежскому, Серафиму Саровскому, Паисию Величковскому, Нилу Сорскому. Интерес к восточно-христианской традиции настолько серьезен, что заставил ввести в церковный обиход православные иконы и даже организовать собственную иконописную мастерскую. Тесные контакты с профессором Ниной Каухчишвили, подвижницы в изучении и распространении русской духовной культуры, помогли углубить этот возникший интерес, и в настоящий момент оформились в регулярные конференции, посвященные русским святым и русской святости. В связи с этим появилась необходимость иметь в монастыре собственного специалиста по русскому монашеству, и в прошлом году брат Альберто был направлен в Россию, где изучал русский язык, православные духовные традиции, историю монашества. Был он гостем и Сретенского братства. Конференция, посвященная Нилу Сорскому, оказалась исключительно представительной — авторитетные богословы, такие как профессор Фери фон Лилиенфельд, профессор Томас Шпидлик, деятели крупных католических организаций, монахи различных католических и протестантских монастырей из разных стран съехались в Бозе. Как обычно на подобных конференциях, взаимопонимание возникало не сразу — не так легко внимание людей науки обратить на содержание жизни тех, чьи биографии они описывают в своих ученых сочинениях. Выступления русских ученых открыл доклад Е. Калькутиной, посвященный анализу исторических источников, в которых содержатся сведения по истории скита Нила Сорского, а Е. Шевченко из С.-Петербурга рассказала о скитской библиотеке, в настоящее

время хранящейся в Публичной библиотеке. Академическая наука также была представлена докладами философа М.Н. Громова, который обратил внимание на невербальные памятники исихазма (иконы, музыку, архитектуру), а также Г.М. Прохорова, говорившего о традициях исихазма и их влиянии на русскую культуру. Выступления богословов, в основном, были посвящены главному вопросу — значению исихазма для монашеской жизни в ее прошлом и настоящем. Основным тоном на конференции задавали выступления профессора из Эрлангена Фери фон Лилиенфельд, которой принадлежит изданная в 1963 г. монография о Ниле Сорском, и профессора Томаса Шпидлика, издавшего в 1994 г. в Париже замечательную монографию о русской идее. Фери фон Лилиенфельд назвала свой доклад «О некоторых причинах приостановки исследований о Ниле Сорском и его роли в истории» (ниже это выступление опубликовано полностью), где она пыталась объяснить свой сегодняшний взгляд на проблему спора иосифлян и заволжских старцев. Эта проблема, в ее представлении, сегодня тесно связана с нашим меняющимся в настоящее время взглядом на прогресс и регресс, на делание и неделание. Кратко приведем основные положения доклада Томаса Шпидлика «Иосиф Волоколамский и Нил Сорский в традициях русского монашества». В своем выступлении он говорил о том, что конфликт Нила и Иосифа связан с антиномиями монашеской жизни, что все монастыри начинаются с отшельничества, даже Киево-Печерская лавра, но постепенно образующаяся общежительность неизбежно приводит к возникновению хозяйства, а отшельничество на определенном этапе сначала осуждается, а затем подвергается и запрету. Киновия и отшельничество на всем протяжении истории монастырей выступают как противоборствующие тенденции. Стремление к уединенной молитве побуждает к отшельничеству тех, кого не удовлетворяет общая молитва в монастыре. К отшельничеству склоняются монахи даже несмотря на любовь к литургии. Стремилась к отшельничеству и те, кто не хотел собственности, поскольку монастырские монахи все-таки имели собственность. Борьба и чередование отшельничества и киновии составляет двигатель истории всех монашеских поселений, поэтому победа одной тенденции никогда не была плодотворна и вела к обеднению монашества в целом. Победа Иосифа над Нилом способствовала усилению монастырей, монастырских хозяйств и независимости, укрепляла церковную дисциплину, но эта победа вела к духовному оскудению монашества, не случайно после этого почти два века не было святых. И только деятельность Паисия Величковского и его последователей, возродивших старчество, укрепила духовную сторону монашества. Возобновление отшельничества и старчества оказалось исключительно плодотворным, о чем свидетельствует история Оптиной пустыни. Закончил свое выступление Томас Шпидлик мыслью о том, что антиномия сохраняла свое значение и в дальнейшем, поэтому сегодня так важно сохранить обе эти традиции, для разного типа людей с разными духовными склонностями. Противоречие иосифлян и исихастов помогает разрешить вера в Бога и стремление исполнить Его волю. Более подробно остановимся на завершающей конференцию дискуссии «Нил Сорский и духовный мир России». Ее открывало выступление о. Томаса Шпидлика, который еще раз повторил свою главную мысль, что исихазм и иосифлянство — это лишь крайнее выражение двух тенденций, которые на всем протяжении истории были двигателями русского монашества. Между ними нет противоречия. Это антиномия монашества. Например, Нил Сорский требовал в 1508 г. отказа от монастырских землевладений, и тогда его призывам не вняли. Но спустя несколько веков монастырские владения были резко уменьшены, а сейчас в России их практически нет. Нил Сорский боролся против светского духа в монастырской жизни, его противникам участие монастыря в светской и государственной жизни не казалось таким уж опасным. Но сегодня мы видим, что это предвидение подтверждается, и в настоящее время как нельзя более актуальным становится вопрос: «Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» Для сегодняшней пастырской деятельности очень важна индивидуализация пастырского попечения о душе. Несмотря на успехи в области психологии и психоанализа, современному человеку легче жить не стало, его душа сделалась более хрупкой и слабой. Поэтому сегодня так важно вспомнить, что в сборнике Нила Сорского XV века есть глава

«Исцеление души слабых». Андре Мальро, продолживший дискуссию, отметил, что признаки движения к духовности на христианской основе пока не явлены, в настоящее время есть только слабые ростки возрождения духовной жизни на Востоке. Можно предполагать, что условия христианской жизни не будут простыми и в XXI веке, и если христианская жизнь будет продолжаться, то она будет нуждаться и в духовных оазисах — монастырях, скитах, отшельниках и пустынножителях. Поэтому так важно, чтобы монахи оставались на высоте своего призвания. Епископ Серафим Германский (Регенсбург, Румынский патриархат) в своем выступлении говорил о необходимости возвратиться к той мистической традиции, душу которой составляет исихазм. Даже в эпохи, когда монашество переживало периоды упадка, исихазм не прерывался как традиция. Эти традиции живы и сегодня, например, в Румынии. Человечество через свои несчастья возвращается к Евангелию, потому что только там есть ответы на его вопросы. Молитва, созерцание — вот что составляет основу исихастической традиции, которая остается актуальной и в современном мире. Выступавший вслед затем монах-отшельник о. Габриэль Бунге (Швейцария) подчеркнул, что он полностью разделяет мысли епископа. Далее о. Габриэль сказал, что жизнь каждого святого актуальна для современников, и жизнь святого Нила — особенно. Отец Габриэль свое знакомство с Нилом Сорским начал с тех его творений, где святой Нил писал о необходимости соблюдать верность святым отцам и призывал не делать ничего без свидетельства Священного писания. «Для нас, людей Запада, — подчеркнул о. Габриэль, — это очень важная мысль. Если Восток не знал разрыва монашеской традиции, то на Западе этот разрыв существовал и в эпоху Просвещения, и в эпоху Французской революции». О себе о. Габриэль сказал: «Я монах, не ученый, и вижу, что многие традиции погибают, не воплощаясь в жизни, оставаясь только в книгах. Поэтому возникает духовный вакуум и христиане по рождению обращаются к чужим исповеданиям: буддизму, антропософии, но не потому, что не смогли найти ответа на свои вопросы в христианстве, а потому что свои традиции они, как правило, вообще не знают. Живя в скиту, мне приходится общаться с разными людьми. Есть среди них пострадавшие от антропософии, от буддизма, от разных сектантских пророков. Их увлекли новые учения, но они не нашли в этих сектах успокоения. Меня беспокоит другое: эти люди часто оказывались убежденными, что ничего важного для себя в том христианстве, к которому они принадлежат по рождению, они не найдут». «Рене Генон, — продолжал о. Габриэль, — был убежден, что нельзя найти истину, не основываясь на традиции. Но для себя в христианстве он не нашел истины и потому обратился в мусульманство. Он стал одним из самых пламенных пророков нашего века, и его судьба внушает беспокойство — ведь из христианства уходят лучшие люди». Далее о. Габриэль высказал мысль о том, что забвение своих традиций — главная духовная опасность для западной культуры. Монахи, живущие в скитах, могут помочь отыскать путь к собственным традициям. Но существование скитов не отменяет необходимость в больших монастырях. И потому России сегодня нужны не только монастыри, но скиты, как у Нила Сорского. Нил не обладал теми возможностями, которые открывает жизнь в большом монастыре, где можно быть просто ученым монахом, проводящим свою жизнь над изучением творений святых отцов. Свое выступление о. Габриэль заключил словами: «Западное монашество открывает множество возможностей для того, чтобы посвятить жизнь изучению творений святых отцов. Уже издано большое число работ о святых отцах, комментарий к ним и изложений их учений, на Востоке таких работ и таких возможностей сегодня может быть меньше. Но проблема все-таки не в этом. И для Запада и для Востока главным остается воплощение этих традиций в жизни, что для всех одинаково нелегко». Затем последовало выступление о. Георгия Кочеткова, приковавшее к себе общее внимание. Его доклад «Святой Нил Сорский как выразитель церковной традиции» мы публикуем ниже. О. Платон (Игумнов), представлявший на конференции Московскую духовную академию, напомнил, как Нил Сорский сравнивал себя с псом, который питается крохами со стола Отца Небесного, хотя это был человек подлинной святости. Ниже приведем краткое изложение выступления о. Платона. Значение исихазма не ограничивается эпохой Нила Сорского, исихазм существовал с первых веков христианства,

предтечей исихазма был Макарий Великий. Но исихазм не иссяк в эпоху Нила Сорского. Например, Серафим Саровский в беседах с Мотовиловым выражал идеи исихазма. Точно также и возникшие в Троице-Сергиевской лавре в XIX веке скиты — Вифанский, Гефсиманский, где были специальные пещеры для безмолвного жития, продолжали исихастические традиции. Исихазм есть преображение человеческого естества благодатью Святого Духа, и он присутствует не только в творениях святых отцов, но и в культуре. Красота есть воплощение смысла (эйдоса) в материи. Таким образом, опыт святых отцов может многое дать и светской жизни. Как сказал русский философ А.Ф.Лосев: «Во всех вещах, во всем космосе, во всем человеческом творчестве прекрасным остается озаренность высшим началом». О. Энцо Бьянки в своем выступлении обратил внимание на то, чем значителен Нил Сорский для западной христианской традиции. «Для нас, — говорил о. Энцо, — важно, что Нил Сорский продолжал традицию той древней церкви, которая не была церковью для бедных, но была церковью бедных. Мы, на Западе, все время стремились сделать свою церковь сильной: богатой, чтобы помочь бедным. Но мы считаем, что церковь тем богаче, чем она беднее экономически. Почему в западном христианстве так популярен Франциск Ассизский? Потому что он был беден. Нил Сорский дорог каждому нашему монастырю, потому же, почему и Франциск Ассизский. Я вижу в наследии Нила Сорского две важных для себя черты. Первая заключается в том, что его молитва во время службы заключалась молитвой за всех отцов и братьев наших. При этом Нил Сорский говорил, что когда мы молимся о благодетелях, мы говорим не о тех, кто дает нам на монастырь, а о наших врагах. Второе, чем для меня близок Нил Сорский, состоит в его постоянном ощущении собственной греховности, солидарности со всеми грешниками, ради которых он готов сойти в ад вместе с ними. Грехи живут во всех нас и мы должны вместе нести грехи мира». Обо всем этом брат Энцо более подробно говорит в предисловии к сочинениям Нила Сорского, которое монастырь в Бозе готовил к выпуску. Присоединившись в своем выступлении к оценке значения Нила Сорского, данное братом Энцо, Нина Каухчишвили добавила следующее: «Святой Нил Сорский не делал разницы между мирянином и монахом, но эта разница все же есть. Поэтому скажу о том, что я, мирянка, почерпнула у этого святого — идею синтеза интеллектуальной жизни и духовной. О. Энцо высказал очень важные мысли, и именно то, о чем говорил он, и заставило меня организовать эти чтения. О. Павел Флоренский считал, что эпоха Возрождения способствовала разрыву между интеллектуальным и духовным в человеке. Сегодня найти этот путь к преодолению разрыва, нам помогают творения святых отцов. Эта конференция еще раз убедила меня, что такие собеседования создают дух доверия друг к другу и помогают нам, людям Запада находить путь, на котором наши интеллектуальные и духовные искания обретут утраченное единство. Свообразным резюме трехдневных заседаний стали слова о. Энцо Бьянки: «Только зная прошлое, можно идти вперед».

Андрей Плигузов: Учение ранних «нестяжателей» в исторической перспективе: от «Предания» Нила Сорского до амортизационных мер Ивана IV

История церкви

Письменная полемика Вассиана Патрикеева с Иосифом Волоцким началась по инициативе опального князя в июне 1511 — июне 1512 гг. и была подготовлена широкой церковно-светской полемикой о монашеском «обещании». Полемика эта отразилась в послании Иосифа И.А. Челяднину (июнь 1512 г.)¹ и послужила побудительным мотивом к написанию Иосифова 11

слова «Книги на еретиков» (1508–1513/14 гг.)². Сигналом к началу письменных прений волоколамских постриженников с опальным потомком Гедимины стало «челобитие» Иосифа Санина Василию III на новоявленных кирилло-белозерских еретиков (июль-август 1511 г.)³. Этот демонстративный шаг волоцкого игумена наносил урон авторитету кирилло-белозерской корпорации, в защиту которой выступил ученик и духовный сын Нила Сорского (Нил умер 7 мая 1508 г.) Вассиан Патрикеев. Первый документ полемики — это вассианово Слово на «Списание Иосифа» (июль 1511 – июнь 1512 г.)⁴

В последующие годы, уже после смерти Иосифа Санина (9 сентября 1515 г.), Вассиан начинает работу по осмыслению исторических судеб православного монашества, как бы переписывая заново 11 слово «Книги на еретиков». Так появляются на свет 1 и 2 редакции «Собрания некоего старца», своеобразного указателя (Синтагмы) текстов священного писания и предания, обосновывающих необходимость строгого соблюдения монашеского обета как рядовыми иноками, так и церковными иерархами. Наиболее острые формы приобрело столкновение Вассиана с учениками Иосифа, прежде всего, с митрополитом Даниилом Рязанцем. «Стужение» Вассиана о церковных «винах» в полемической форме выразилось в «Слове ответном» (1523–1524 гг.). Спор с главой русской церкви заставил симоновского чернеца Вассиана ускорить работу по составлению собственного компендиума «нестяжательской» кормчей (3 последующих редакции 20-х годов XVI в.). Внутри этого второго этапа полемики и сформировалось учение Вассиана о нестяжательности монашеских корпораций, причем Вассиан начал свои размышления о монашеском «обещании» с менее радикальной постановки вопроса, предусматривая сохранение монастырских сел и передачу управления ими в руки святительских кафедр. Постепенно наметилась эволюция учения Вассиана в более радикальную программу, не останавливающуюся перед изъятием монастырских населенных земель.

Ко второй половине 20-х годов XVI в. «нестяжательство» Вассиана далеко не исчерпывалось идеей ограничения монастырского землевладения. Кормчая опального князя, особенно ее заключительная редакция (список ВСМЗ В 5636/399) дает основание выделять и другие темы, вызвавшие не менее пристальное внимание Вассиана и, возможно, является предметом полемики. Сюда относится вопрос о допустимости или недопустимости пострижения в монастыре рабов, проблема приема на исповедь кающихся еретиков, обсуждение канонического прецедента сведения с кафедры архиерея «в поповскую честь», некоторые литургические и календарные вопросы. Специальные канонические штудии предпринял Вассиан при обсуждении вопроса об истоках традиции канонического безбрачия епископата в восточной церкви (вассиановская редакция анонимной схолии на 71/73 правило карфагенского собора⁵). Дополнительные свидетельства о неортодоксальных и порой еретических взглядах Вассиана сохранились в составе комплекса судебно-следственной документации (Судный список Максима Грека, Судный список Вассиана)⁶. Это перечисление позволяет нам раздвинуть границы вассианова «нестяжания» и полнее представляет ключевые пункты противоречий, разделявших в 20-е годы XVI в. волоколамских постриженников и опального князя.

В коренном вопросе своего учения — вопросе о возможности или невозможности

совместить раннехристианские идеалы монашества с современным ему владением монастырей населенными землями — Вассиан колебался. Существо первохристианского прославления «нищеты» (Иаков, предстоятель иерусалимской общины, всех христиан называл «нищими мира сего»⁷) требовало от Вассиана защиты идей полного монашеского «нестяжания», что противоречило повсеместной традиции восточно-православной церкви. Традиция эта была воплощена не только в социальной практике современных Вассиану монашеских корпораций, но и в решениях Вселенских соборов, в традиционных сочинениях, возникших в IV-XII вв. в римско-католической и византийской церквях и имевших хождение на Руси. В споре между достоинствами писания и предания Вассиан также не занимает определенной позиции: он выбирает и писание, и предание. Его идеалам созвучны евангельские слова и традиции обедневших, утративших былой общежительный устав монастырей Афона XIV-XV вв.⁸ Ему претят «стяжательские» каноны Вселенских соборов и крупное землевладение русских общежительных монастырей. Однако Вассиан не требовал отчуждения монастырских сел в такой форме, чтобы они попали в руки светских владельцев, а предполагал перемещение крупных имущественных владений внутри церкви — от черного монашества к белому, из рук иноческих корпораций во владение архиерейских кафедр.

«Нестяжательское» учение Вассиана не могло и не желало оправдывать изъятия монастырских земель и последующей передачи их светским владельцам. Оформление юридических основ, позволяющих закрепить за новыми владельцами широкие земельные приобретения церкви и охранять их от посягательств со стороны светской власти и частных собственников практически не могло опираться на опыт раннехристианских общин (они не имели такого имущества) и по-разному протекало в римско-католической и греко-восточной церквях. Русские памятники в защиту церковного права мертвой руки (*manus mortua*) продолжали византийскую традицию, где защита церковной недвижимости опиралась на два традиционных механизма. Первый — *dominus sub modo*, т. е. право владельца распорядиться своим имуществом, не ограничиваемое государством (при передаче земель монастырям церковь владела недвижимостью как субъект *dominus sub modo*). Второй механизм — *res sacrae*, т. е. право на неотчуждаемость сакральных вещей. Комбинация этих двух принципов привела к прочной системе запретов на отчуждение церковных имуществ, находящихся в руках церкви как бы в форме вечного эфитевзиса⁹. Призывы к изъятию церковной недвижимости неминуемо наталкивались на чрезвычайно прочную аргументацию защитников права *manus mortua* («Константинов дар», «Завещание Мохаммеда», апокрифическое правило V собора «На обидящих святыне Божие церкви» и др.¹⁰), а стремление обойти эти аргументы требовало решительной перестройки всей теологической системы (к чему и приступили лидеры европейской Реформации), ибо, не выходя за рамки ортодоксального восточного православия, нельзя было миновать запретов на отчуждение сакральной собственности. Но Вассиан отсылает читателя к посланию александрийского архиепископа Кирилла Домну, где прямо утверждается незыблемость церковных «стяжаний»¹¹, осуждает иноков, которые своих крестьян «княжеской власти предавшие, истреблению конечному подложихом»¹², и не ищет аргументов против права «мертвой руки». Поэтому в важнейшем своем вопросе учение Вассиана не являлось секуляризационным (от латинского *saecularis* — мирской, светский)¹³ и не принадлежало еще новому времени, а отражало одно из ответвлений традиционных средневековых споров о монашестве.

Аналогичный спор в западной церкви привел к оживлению идей монашеской аскезы¹⁴, признанию французских идей «нищего Христа» (булла Гонория III, утвержденная в 1223 г.) и образованию нищенствующих орденов францисканцев, доминиканцев, августинцев-еремитов¹⁵, а в греко-восточной церкви вдохновлял обличителей безудержного роста монашества Византийской империи¹⁶.

Учение Вассиана Патрикеева, как это видно из анализа его собственных сочинений, как описывали взгляды опального князя полемисты-иосифляне и как позиция Вассиана рецептировано представлена в трудах публицистов последующего поколения, обладает строгой внутренней логикой и не допускает иной предыстории, чем постепенное развитие исходной программы учителя Вассиана — Нила Сорского. Нил, вопреки мнению многих исследователей, отнюдь не являлся столь радикальным мыслителем, каким он выведен в публицистике 40–60-х годов XVI в. и более позднего времени («Прение с Иосифом», «Письмо о нелюбках», «Слово иное»). «Предание» Нила, главный памятник его так называемого «нестяжательства», — это келлиотский устав (по определению Ф. Лилиенфельд¹⁷), написанный для небольшого идиоритма, находящегося, как это требовала традиция¹⁸, в орбите крупного общежительного монастыря.

Нил, явно не симпатизировавший социальной практике современного ему монашества, стремился поставить барьер, который разделит быт келлиотов и общежительных монахов. В рамках нравственно-богословской или этической теории восточного монашества общежительные подвижники и келлиоты не отличались: они равно несли обязанности по личному нестяжанию, целомудрию, рукоделию, послушанию и т. д. Отличало их то, что выходило за рамки компетенции Иерусалимского устава, действовавшего с начала XV в. в русских монастырях¹⁹: общежительный монастырь был коллективным собственником, и каждый член корпорации, соблюдая личное «нестяжание», и против собственной воли, был причастен (практически, но при соблюдении концептуальной «нищеты») к накоплению имущества и регламентированному их расходованию и отчуждению (в форме нищепитательства и странноприимства), т. е. управлял зависимыми крестьянами, вступал в земельные тяжбы, свидетельствовал на судах, принимал вклады, выступал опекуном чужих имений. Нил не желал участвовать в подобных отношениях и оберегал свой скит от экономических мирских забот Кириллова монастыря, которому скит принадлежал.

С этой целью общехристианские инвективы Нила были дополнены строже нормированными предписаниями о средствах содержания монахов келлиотов (милостыня, продажа «рукоделий» и частичное привлечение наемного труда) и об ограничении благотворительности скита менее обременительным приемом и пропитанием странников²⁰. Не вполне исключая благотворительность, Нил стремился резко уменьшить ее размеры, ибо прославление щедрой милостыни, творимой монахами, традиционно оправдывало существование монастырских «стяжаний». Позиция Нила в вопросе о милостыне представляется более радикальной, чем обычный взгляд на нищепитательство — не случайно в этом пункте Нил опирался не на подлинные сочинения отцов церкви (сам Нил называет Василия Великого), а на какие-то апокрифические тексты (определено С.И. Смирновым²¹). Однако в целом «Предание» Нила, как и подвижничество пустытника Филиппа Ирапского²², и

опыт пропитания безземельных русских монастырей (пятая часть монашеских корпораций, по подсчетам С.Б. Веселовского, в XIV в. вовсе не имела крестьян или владела не более чем пятью дворами²³, и тема бедных монастырей настойчиво звучала в публицистике, см. «Челобитную иноков Ивану IV», опубликованную Г.З. Кунцевичем²⁴) лишь глубже мотивирует ту форму организации монашества, которая всегда была признана православием в качестве одного из путей («средний путь» — средний между лаврской организацией общежительного монастыря и полным отшельничеством анахоретов).

«Средний путь» развития монашества сам по себе не ставил под сомнение достоинств общежительных монастырей (и, следовательно, монастырского землевладения как важнейшего условия существования обителей, организованных в соответствии с Иерусалимским уставом Саввы Освященного). Своим «Преданием» Нил не разрушал канонических основ жизни «стяжательского» Кирилло-Белозерского монастыря. В византийской церкви обособленного учения «нестяжательства» не обнаруживается, а эпоха конфликтов между общежительным и келлиотским способами организации монашества давно прошла: особножителство, под которым можно разуметь келлиотство и анахоретство, строго запрещалось 13/5 и 100/133 Новеллами Юстиниана, где особножителству противопоставлялись общежительные монастыри, однако, судя по толкованию Вальсамона на 41 правило Трулльского собора, к XII в. это запрещение уже не имело силы²⁵. В XIII-XIV вв. в Византии возникли устойчивые формы иерархической структуры монашества, объединяющие экономическую деятельность монастыря и метоха²⁶ и нравственно обосновывающие сообщество лавры и идиоритма. Забота Нила о более прочном утверждении «среднего пути» не должна пониматься как непосредственная программа реформы общежительного русского монашества и тем более не может служить оправданием для изъятия земель у общежительных монастырей.

Вассиан Патрикеев, ученик Нила, после смерти своего старца покидает Нилову пустынь и становится членом монашеской корпорации общежительного великокняжеского ставропигиального Симонова монастыря. Быт этого и других общежительных монастырей не соответствовал и не должен был соответствовать «Преданию» Нила, и Вассиан, помятуя о своем монашеском «обещании», ищет другой способ согласовать учение сорского подвижника со «стяжательской» практикой симоновской монашеской корпорации (например, во второй половине XVI в. Симонов монастырь по скорости роста своих земельных владений занимал пятое место в стране после Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Макарьево-Калязинского и Костромского Ипатьевского²⁷). Поиски опального князя начинаются как раз с тех истин, что были сформулированы Нилом — с провозглашения приоритета этических добродетелей иноков и введения мер, отгораживающих монахов от мирской деятельности, в том числе от накопления и расходования «стяжаний». Ограничительные меры Нила, апеллирующие к опыту идиоритма, нельзя просто распространить на хозяйственный механизм лавры. И Вассиан находит первое решение: установить более четкий контроль в сфере эксплуатации чужого труда и контактов монахов с мирянами (управление монастырскими селами экономами-строителями), передав заботу о селах в руки светских чиновников (здесь Вассиан не договаривает, так как каноны Вселенских соборов предписывают именно монахам исполнять должность монастырских экономов), и по возможности оградив иноков от мирских забот. Такое решение обеспечило бы преимущественный рост идиоритмов и келлиотского монашества и поставило бы полтора десятка крупнейших монастырей в зависимость от представителей белого духовенства — в первую очередь, епархиальных владык и собора митрополии. Эта

возможная реформа находится в русле учения Нила и не уничтожает самого условия существования общежительных монастырей, а лишь ограничивает их право распоряжаться населенными землями.

Особые надежды в оздоровлении монашества возлагались Вассианом на епископат, перед которым должны были отчитываться монастырские экононы. В глазах Вассиана такая постановка вопроса повышала требования к христианским добродетелям архиереев, и по мере того, как опальный князь втягивался во все более острую полемику с новым главой московской митрополии, все резче бичевал пороки архиереев, менялось у Вассиана и решение относительно судеб монастырских сел. Тезис об ограниченном доступе корпораций к управлению селами был снят и на его месте остались порицания злоупотреблений, проистекающих из самого факта владения монастырскими селами. Вассиан предлагает снабжать нуждающиеся монастыри из средств соборных церквей и архиерейских кафедр. Это уже новая постановка вопроса, которая, в соединении с традиционным призывом к рукоделию монахов, с допущением «милостыни от христоролюбцев» и, в соответствии со сложившейся практикой, регулярной государственной руги, создавала условия существования вновь создаваемых монастырей и гарантировала прокормление бедных корпораций, не владевших селами.

Однако разворачивающийся конфликт Вассиана с митрополитом Даниилом (поставлен 27 февраля 1522 г.) и собором митрополии заставил опального князя сомневаться в достоинствах епископата: Вассиан не спешит заявлять о необходимости немедленной передачи монастырских сел белому духовенству, ибо не хочет усиления своих противников — членов собора — и надеется на скорые перемены в руководстве русской церкви. На этой стадии раздумий («... да и тех не похваляю, которыя села держат...»²⁸) и предстал Вассиан перед судом 1531 г.

Выступление Вассиана в защиту «живущаа братиа наша убогиа в селех» имело то историческое значение, что вводило в круг забот русского публициста крестьянскую тему. Желая сохранить в неприкосновенности островок традиционного монастырского хозяйства в условиях возрастающей нормы эксплуатации крестьян²⁹, Вассиан одним из первых откликнулся на процесс постепенного закрепощения сельского населения, развивающийся в России и во всем регионе восточнее Эльбы.

Постепенная эволюция взглядов противника монастырского землевладения (отражающая эволюцию самого монастырского землевладения), его трудный путь по накоплению новых аргументов в полемике, развитие учения Вассиана от сравнительно ортодоксальных взглядов его учителя Нила ко все более радикальной программе, отсутствие у Вассиана канонических аргументов в пользу отчуждения сакральной собственности — все это может быть выведено из учения Нила, изложенного им в посланиях и «Предании», однако не находит безусловного подтверждения в позднейших, 40–60-х годах XVI в., известиях об аргументации противников церковного и монастырского землевладения на секуляризационном соборе 1503 г. «Письмо о

нелюбках», жития Иосифа и Серапиона, «Слово иное» пересказывают эти споры неполно, противоречат друг другу, поэтому прежде, чем в утвердительной форме писать о позициях участников собора 1503 г., следует проделать кропотливую работу по реконструкции их взглядов, а также подвергнуть анализу публицистические сочинения середины XVI в., где эти взгляды пересказаны (что требует специального, в первую очередь, источниковедческого исследования³⁰). Логика развития «нестяжательских» идей Вассиана не дает нам оснований выводить эти идеи из программы секуляризационного собора 1503 г.

Постепенное развитие «нестяжательства» сопровождалось развитием противоположного ему учения, складывающегося в русский вариант апологии церковного права «мертвой руки». В конце XIV-XV вв. на Руси существовали переводы греческих, латинских и южно-славянских сочинений в защиту владельческих прав церкви³¹. Иосиф Санин в полемике с волоцким князем Федором (1507 г.) и его сторонниками (1509-1511 гг.) не привлекает еще всех традиционных аргументов, апологетизирующих сакральную собственность. Второе поколение иосифлян проводит кропотливую работу, подбирая доводы против «нестяжательства», «хул и вин» и создавая серию оригинальных компиляций на эту тему (нифонтовская компиляция Чуд.273, «Трактат о неприкосновенности церковных и монастырских имуществ», Сводная кормчая Даниила Унд.27, кормчая Нифонта Кормилицына Егор.156).

Иосифляне, повторяя традиционные фразы о незыблемости церковного землевладения, стремились предотвратить развитие «нестяжательского» учения, которое уже в 1531 г. стояло перед проблемой сокращения монастырского землевладения. Опровержение иосифлянских аргументов, взятых из арсенала христианской церкви IV-XIII вв., было невозможно без нового этапа развития социально-этического сознания, до которого не дожила Византия, поглощенная Оттоманской Портой (1453 г., но и мусульманские султаны Порты вынуждены были считаться с апокрифическим «Завещанием Мохаммеда», утверждавшим незыблемость церковных «стяжаний»³²) и который в европейские страны был перенесен Реформацией (20-е годы XVI в.).

Национальное своеобразие русской полемики о монастырских селах определялось особым положением митрополии «всей Руси» под властью великих князей: в отличие от церквей западно-европейских стран, плативших со своих бенефиций десятину светскому государству³³, русская церковь сама претендовала на десятину³⁴ и еще в XIII-XIV вв. пользовалась многочисленными фискальными и юридическими льготами, данными киевским и московским митрополитам ордынскими ханами на основании Чингиз-хановой Ясы³⁵ и подтвержденными русскими князьями. Спорадические попытки князей разверстать ордынский «выход» на церковный причт наталкивались на сопротивление церкви и запреты властей Джучиева улуса; не увенчалась успехом и попытка Джанибека обложить митрополита Феогноста «полетной данью» (1342 г.). По-видимому, лишь в 1392 г. при митрополите Киприане великим князем Василием Дмитриевичем было узаконено первое на Руси постоянное финансовое обложение

церкви светской властью под предлогом «ордынской тягости»³⁶. Это нововведение московских князей не могло не вызвать протеста в церковных кругах и привело к широкому распространению переводных трактатов в защиту «Богу в данных» имуществ («Константинов дар», апокрифическое правило V собора «На обидящих святыне Божие церкви», краткая редакция собрания ханских ярлыков русским митрополитам, послания митрополитов Киприана, Феодосия и Филиппа³⁷) и потребовало разъяснений митрополита Киприана концептуальной монашеской «нестяжательности» применительно к социальным реалиям восточной церкви³⁸. Свержение ордынского протектората над Русью (1480 г.) и постепенное прекращение выплат «выхода» правопреемникам Джучидов означали для церкви возвращение тарханских льгот и новое обострение отношений с великими князьями, теперь уже «всея Руси». На волне этого обострения и в обстановке постепенного понижения авторитета главы московской митрополии возникло и достигло кульминационной точки «нестяжательство» Вассиана Патрикеева.

Великокняжеская администрация по-своему и куда более реалистично, чем современники публицисты, решала проблему монастырского землевладения: претензии светских властей на монастырские земли удовлетворялись теми или иными ограничениями податного иммунитета, что вело к пополнению казны и не провоцировало тотального конфликта великого князя с собором митрополии³⁹.

Вассиан, обдумывавший пути передачи монастырских доменов в руки белого духовенства, искал непротиворечивых подтверждений допустимости такой операции и не нашел безусловных аргументов в церковно-канонических памятниках. Возвращение к реальной, а не концептуальной нестяжательности монашеских корпораций было равносильно возвращению к идеалу раннехристианской общины, но писателей первой трети XVI в. отделяли от первохристианских сообществ полтора тысячелетия истории другого монашества, охотно или по необходимости владевшего населенными землями и опекавшего чужие имения. Практика подобных монашеских корпораций была подтверждена авторитетом Вселенских соборов IV-VIII вв., и требование евангельской нестяжательности неминуемо содержало в себе скрытую полемику с мнением отцов церкви. Не случайно программа «нестяжателя» второго поколения — Артемия — отличалась от программы Вассиана не столько более радикальной постановкой экономического вопроса (Артемий в осторожной форме допускал изъятие монастырских сел⁴⁰), сколько решительным признанием приоритета евангельской проповеди над ветхозаветным каноном и «растленными» преданиями: это явная черта предреформации, одним из первых вестников которой в России стало учение «нестяжателей». Программа Артемия, заинтересовавшая Ивана IV, не получила дальнейшего развития: Артемий был судим вторым поколением иосифлян и бежал в Литву (1554–1555 гг.). Потребности развития страны все более вступали в противоречие с ростом монастырского землевладения. Не получив необходимой поддержки у внутрицерковных группировок, царь начинает самостоятельно искать оправдания амортизационным (ограничительным) мерам, и первые практические шаги проявляют себя накануне опричнины, в 50 — начале 60-х годов XVI вв. (на рубеже 50 — 60-х годов отмечается уменьшение числа земельных приобретений монастырями⁴¹). Именно в это время церковная публицистика особенно яростно обсуждает историю «нестяжательства» Вассиана Патрикеева.

Монастырские земли благодаря тарханским привилегиям давали крестьянским хозяйствам более льготные условия, чем можно было ожидать в поместьях средних феодалов. Крестьяне бежали в монастырские домены (впрочем, немалая часть зависимого населения просто бежала куда глаза глядят), отчего «великая тощета воинским людем прииде»⁴². В 1572 г. был принят указ, чтобы «[в] большие монастыри, где вотчины много, вперед вотчин не давати..., чтоб в службе убытка не было, и земля б из службы не выходила»⁴³. Кризис, вызванный Ливонской войной, привел к полному запрету покупок земли белым и черным духовенством и земельных вкладов по душе, по причине «воинского оскудения»⁴⁴. Аргументы, которыми правительство оправдывает наступление на церковное землевладение, лишь в ничтожной степени представляет собой развитие учения нестяжателей (общехристианские обличения «непотребнаго слабого жития» монахов⁴⁵). В целом, это уже секуляризованный вариант решения вопросов об отношениях церкви и государства на языке «службы», владение землей является первым условием службы, а служба дает надежду получить землю, эта идея — из арсенала тех идей, что были сформулированы английскими лоллардами в конце XIV в. (Джон Уиклиф)⁴⁶, пережили второе рождение в учениях Лютера и Меланхтона, оправдывали секуляризацию 20-80-х годов XVI в. в Германии, Швейцарии, Англии и Шотландии, Швеции, Дании, Исландии, звучали в польских реформационных движениях⁴⁷.

Правительству Ивана IV идеи эти нужны были для более скромной цели — для того, чтобы оправдать амортизационные меры, потеснившие церковное право *manus mortua*. Земли не изымались, но рост их по возможности тормозился⁴⁸. Стена, разделявшая с этих пор экономические интересы церкви и государства, подпирались с разных сторон принципиально разными системами доказательств, двумя диаметрально разными мировоззренческими догмами — секуляризованным, выношенным европейской Реформацией утверждением повсеместной зависимости службы от владения землей, и восточно-православной проповедью неотъемлемости «вданных Богу» имуществ. Это было началом периода относительного равновесия между церковными и государственными претензиями в поземельной сфере, равновесия, которое было подорвано реформами Петра и разрушено секуляризацией 1762 г.⁴⁹.

«Нестяжатели» 10-20-х годов XVI в. занимают в этом долгом процессе довольно скромное место. Учение их имело в своих истоках не только раннехристианскую проповедь и опыт первых монастырей Сирии и Палестины (Саввы Освященного и др.), но и острые византийские споры о монашестве XI-XII вв., перенесенные на русскую почву вместе с трактатами Никона Черногорца, Алексея Аристина, Иоанна Зонары, Федора Вальсамона. Питательную среду для оформления «нестяжательства» составляли южно-славянские и русские сочинения, толкующие тему монашеского «обещания» (например, «Наказание» Илариона). История западного христианства, где полемика о монастырском землевладении началась тремя столетиями ранее, дает нам пример того, как могла развиваться «нестяжательская» доктрина: в Европе минориты начали с утверждения нестяжательности Христа и апостолов (у них не было собственности), затем францисканцы-конвентуалы сумели разделить и сочетать личное

монашеское нестяжание и корпоративную собственность монастыря, и лишь затем лолларды поставили под сомнение саму каноничность церковно-монастырского землевладения, а реформация в XVI в. принялась расправляться с земельными владениями католических княжеств. XVI столетие застало русских «нестяжателей» на начальном этапе развития подобной доктрины, которая никогда не приобрела более зрелых и последовательных форм. Сказались на характере русского «нестяжательства» усиление борьбы за землю⁵⁰ и рост общежительных монастырей и монастырского землевладения. Определенный отпечаток на «нестяжательских» доктринах оставила близость Вассиана Патрикеева Василию III и конфликт опального князя с членами собора митрополии. «Нестяжательство» первой трети XVI в. предполагало проведение реформы русского монашества, но свои идеалы видело в прошлом — в опыте рукоделия афонских подвижников, в византийских обличениях монашеского «многостяжания». «Нестяжательство» не было секуляризационным учением, ибо не предусматривало передачи монастырских имуществ в руки светских владельцев, а ограничивалось проектом перемещения материальных масс внутри церкви — от монашеских корпораций к белому духовенству. В 20-х годах XVI в. Вассиан остановился перед беспрецедентным в восточном православии решением — перед проповедью изъятия монастырских земель и передачи их владычным кафедрам и соборным церквам. Линию эту продолжили «нестяжатели» второго поколения, но и они, подобно Вассиану, были осуждены церковным судом.

Учение Вассиана и Артемия исчерпало эволюционные возможности средневекового русского православия. Дальнейшее развитие «нестяжательства» означало бы церковную Реформацию, для которой в России XVI столетия не было ни сил, ни условий. Россия избрала свой (но созвучный, например, политике испанских королей в отношении церкви⁵¹) национальный вариант решения этого вопроса: амортизационные меры Ивана IV надолго, хотя и в одностороннем порядке, решили проблему церковного землевладения, и уже публицисты последней четверти XVI в. находятся вне того исторического времени, где опровергали друг друга иосифляне и «нестяжатели».

1 Послания Иосифа Волоцкого. Изд. А.А. Зимин и Я.С. Лурье. М.; Л., 1959 (далее: Послания). С. 149-152. О дате послания Челяднину см.: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Изд. А.И. Плигузов. М., 1992 (далее РФА). Ч. У. С. 1057-1058.

2 Просветитель или обличение ереси жидовствующих. Казань, 1857. С. 451-514; Плигузов А.И. «Книга на еретиков» Иосифа Волоцкого//История и палеография. М., 1993. С. 134.

3 Послания. С. 228. О времени написания этого «челобития» см. РФА. Ч. У. С. 1055-1056.

4 Анхимюк Ю.В. Слово на «Списание Иосифа» — памятник раннего нестяжательства//Записки ОР ГБЛ. М., 1990. Вып. 49.

5 Плигузов А.И. Противостояние митрополичьей и вассиановской кормчих накануне судебных заседаний 1531 г.//Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С. 54-60.

6 См. Плигузов А.И. Судный список Максима Грека//Архив русской истории. М., 1992. Вып. 1. С. 32-85.

7 Гарнак А. Религиозно-нравственные основы христианства в историческом их выражении. Харьков, 1907. С. 247, прим. 1 (наблюдение принадлежит А. Спасскому).

8 Соколов Ив. Состояние монашества в византийской церкви с половины IX до начала XIII вв. (842-1204). Казань, 1894. С. 214-264.

9 Соколов Пл. Церковноимущественное право в греко-римской империи. Новгород, 1896. С. 172-214; Михаил, иером. Законодательство римско-византийских императоров о внешних правах и преимуществах церкви (от 313 до 565 г.). Казань, 1901. С. 108-112.

10 Павлов А. Подложная дарственная грамота Константина Великого папе Сильвестру в полном греческом и славянском переводе//Византийский временник. СПб., 1896. Т. III. С. 59-82; Касторский А.П. Состояние православного восточного монашества со времени завоевания Константинополя турками (1453). Казань, 1919. С. 21-22; РИБ. Т. VI. Стб. 145-146; РФА. Ч. V. С. 959-963.

11 Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960 (далее: Казакова). С. 234; греческий оригинал см.: Migne. t. 138. Col. 918.

12 Казакова. С. 258.

13 Разные аспекты обсуждения понятия «секуляризация», в том числе как категории теологического и социологического дискурса, см.: Sakularisierung/Heraus von Heinz-Horst Schrey. Darmstadt, 1981 (Wege der Forschung. Bd. CDXXIV).

14 Lohse B. Askese und Monchtum in der Antike und im der Alten Kirche. Munchen-Wien, 1969.

15 Карсавин Л.П. Монашество в Средние века. СПб., 1912. С. 91-92; Котляревский С.А. Французский орден и римская курия в XIII и XIV вв. М., 1901; Lambert M.D. Franciscan Poverty: The Doctrine of the Absolute Poverty of Christ and the Apostles in the Franciscan Order, 1210-1323. London, 1961; Mormann J. R. History of the Franciscan Order. Oxford, 1968.

16 Скабаланович Н. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884. С. 438.

17 Lilienfeld F. Von. Nil Sorskij and siene Schriften: Die Krise der Tradition im Russland Ivans III. Berlin, 1963. S. 99-123; Лилиенфельд Ф. О литературном жанре некоторых сочинений Нила Сорского//ТОДРЛ. М., Л., 1962. Т. 18; С. 80-98.

18 Соколов Ив. Состояние монашества. С. 313–315; Касторский А.П. Состояние православного восточного монашества. С. 141–142; см. на с. 244–249 публикацию омологов, в которых перечислены условия сосуществования необщежительного скита и монастыря.

19 Одинцов Н. Порядок общественного и частного богослужения в древней России до XVI в. СПб., 1881. С. 315–317.

20 Нила Сорского предание и устав. СПб., 1912. Л. 8–8 об.

21 Смирнов С.И. Как служили миру подвижники Древней Руси? Сергиев Посад, 1903. С. 48.

22 Там же. С. 65; Успенский Н. Отшельник — учитель народа XVI в. // Христианское чтение. 1903. Февраль-март.

23 Веселовский С.Б. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 100.

24 Кунцевич Г. Челобитная иноков царю Ивану Васильевичу. СПб., 1912.

25 Доброклонский А.П. Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский. Одесса, 1913. Ч. 1. С. 13, 441–444 и др.

25 Хвостова К.В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV–XV вв.).

М., 1968. С. 187-204.

27 Веселовский С.Б. Монастырское землевладение. С. 101.

28 Казакова. С. 294.

29 См.: Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978. С. 184-199 (автор главы А.Л. Шапиро).

30 Такая работа в настоящее время ведется автором этих строк. См. РФА. Ч. IV. С. 749-813.

31 Седельников А.Д. К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина//Известия ОРЯС. Л., 1926. Т. 30. С. 207, прим. 1; Wiczynski J. The Donation of Constantine in Medieval Russia//Catholic Historical Review. 1969. Vol. 55. P. 159 etc., РФА. Ч. IV. С. 784-794; Ч. V. С. 963.

32 Касторский А.П. Состояние православного восточного монашества. С. 21-22.

33 Ковалевский М. Опыты по истории юрисдикции во Франции с XIV в. до смерти Людовика XIV. М., 1876. Т. 1, Вып. 1. С. 38-39, 81; Альгамира-и-Кревеа Р. История Испании. М., 1951. Т. 1. С. 325 и др.

34 Щапов Я.Н. Церковь в системе государственной власти в Древней Руси//Древнерусское

государство и его международное значение. М., 1965. С. 315-326; Флоря Б.Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. М., 1992. С. 15-50.

35 Памятники русского права. Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1955. Вып. III. С. 467; ср.: Попов П.С. Яса Чингиз-хана и уложение монгольской династии «Юань-чао-дянь-чжан»//Записки Восточного отделения Русского географического общества. Т. XVII. Вып. 4. С. 151; Ayalon D. The Great Yasa of Chinghis Khan: A Reexamination//Studia Islamica. 1971. N 33, 34 и сл.

36 ПСРЛ. Т. 23. С. 132-133; т. 25. С. 219-220; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 385-386; Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. Подгот. Я.Н. Шапов. М., 1976. С. 177-179; РИБ. Т. IV. Стб. 229-232; Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1900. Т. II. 1-я пол. С. 306-337, 310-319.

37 Подробнее см.: Плигузов А.И., Хорошкевич А.Л. Русская церковь и антиордынская борьба в XIII-XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам)//Церковь, общество и государство в феодальной России/Под ред. А.И. Клибанова. М., 1990. С. 84-102; а также комментарии к митрополичьим грамотам и обсуждение текстовой истории правила V собора: РФА. Ч. IV. С. 883-884, 891-894, 959-963.

38 РИБ. Т. IV. Стб. 263-265, но ср. стб. 229-232; Казакова Н.А. Об идейных истоках нестяжательства//Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 141; Сеницына Н.В. Нестяжательство и русская православная церковь XIV-XVI вв.//Религии мира. Ежегодник 1983. М., 1983. С. 78.

39 См. Каштанов С.М. Итоги финансовой политики в Русском государстве к середине XVI в.//История СССР. 1988. N 2; он же. Финансы средневековой Руси. М., 1988.

40 РИБ. Т. IV. Стб. 1440.

41 Веселовский С.Б. Монастырское землевладение. С. 101; Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина. М., 1977. С. 176.

42 Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII вв. Тексты. Л., 1986. С. 62.

43 Там же. С. 56; Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси XIV-XVI вв. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 47-48.

44 Законодательные акты Русского государства. С. 62.

45 Там же.

46 Сапрыкин Ю.М. Взгляды Джона Уиклифа на общность имущества и равенство//СВ. М., 1971. Вып. 34. С. 165.; Loserth J. Die Genesis von Wiclifs Summa Theologiae. Vienna, 1908.

47 Ковалевский М.М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1900. Т. II. С. 336-757; Любович Н. История реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитарии. Варшава, 1883. С. 41, 105 и др.

48 О последующем росте церковного землевладения см.: Соловьева Т.Б. Отношения государства и церкви по вопросам землевладения в России XVII в. (по материалам Патриаршего дома). АКД. М., 1979. С. 22.

49 См.: Комиссаренко А.И. Вотчинное хозяйство духовенства и секуляризационная реформа в России (20–60-е годы XVIII в.). АДД. М., 1984.

50 Горский А.Д. Динамика борьбы крестьян за землю в Северо-Восточной Руси XV — начала XVI в.//История СССР. 1972. N 3. С. 85–105.

51 Денисенко Н.П. Отчуждение селений и земель королевской властью в Испании XVI в.//СВ. М., 1976. Вып. 40. С. 172–183.

Архимандрит Виктор (Мамонтов): Отец Пустыни

Дневники, письма, воспоминания

Старец Таврион начал служить в Спасо-Преображенской пустыньке под Елгавой в Латвии 7 марта 1969 г.

Господь дал ему великую благодатную силу для служения людям. Господь как бы сказал: «Вот, Я испытал его верность Мне и не нашел в нем никакой неправды. Он верен мне до крови. Вы увидите сами. Возле него многие спасутся».

Верности вере о. Таврион учился у своих духовных наставников по Глинской пустыни, в братство которой он вступил пятнадцатилетним юношей, и от епископов и священников катакомбной Церкви.

Двадцать семь лет провел старец в тюрьмах и ссылке за веру, был сильно притесняем властями, служа на приходах Пермской, Уфимской, Ярославской епархий. Но он не осквернил себя угодничеством властям, ибо всегда исполнял веление Духа.

Скромная Спасо-Преображенская пустынька стала одним из главных духовных центров русской православной Церкви. Если в Троице-Сергиевой Лавре и в других знаменитых обителях паломников привлекали святыни, то Пустынька, не имея таковых (мироточивые иконы появились в ней совсем недавно), привлекала тем, что она была живой Церковью, где царил дух любви и служения друг другу. Отец Таврион явился истинным воссоздателем общинной жизни, практиком евхаристического возрождения. Он развивал то живое начало церковной традиции, которое в страданиях и муках сохранила катакомбная Церковь. Он не надеялся на хорошие времена (таких у христиан не бывает), не прятался в страхе за свою жизнь, а смело и мужественно исповедовал Христа и приобщал к вере, вводил в Церковь всех жаждущих. Он любил говорить народу: «С Богом потерь нет». Его жажда творить нового

человека во Христе встретила с жаждой веры и истины у тех, кто сопротивлялся духу лжи и распада.

Лицом к лицу он был поставлен с пустыней нашей жизни, рожденной безверием и отступничеством от истины. Если тоталитарные власти стремились уничтожить личность, превратить Церковь в институт культа, то о. Таврион видел свою миссию в борьбе за образ человека, за личность, за возрождение христианства. Видя неспособность собратьев ответить на живые запросы современной души, он взял их немощи на себя и трудился за них. Но вместо благодарности за свои труды, он получал от некоторых из них осуждение и ярлыки — «католик», «обновленец».

Нужно было всех проходящих из огромной пустыни жизни в его маленькую тихую Пустыньку преображения душ — возродить к истинной жизни.

Как это делал о. Таврион практически, знают многие, потому что в свое время они, приезжая к нему, с жаждой учились истинной христианской жизни в этом скромном духовном оазисе Латвии.

Отец Таврион понимал Церковь как живой организм, вселенскую духовную семью, которая дробится на множество семей, пребывающих в разных местах, но имеющих единый Дух. Его пустынная монашеская семья сестер и семья духовных чад, которая приехала с ним из Ярославской епархии, никогда не жила замкнуто, но умножалась, принимая до 150–200 паломников в день. Принимались они о. Таврионом и его помощниками с любовью и радостью. Большинство из них были крещеными, но не воцерковленными, ибо жизнь на уровне прихода не могла ввести их в Церковь. И вот здесь, в Пустыньке, совершалось таинственное введение их в Церковь, в общинную жизнь, в ту живую традицию церковной жизни, которая, несмотря на внутренние и внешние гонения, еще сохранилась в сердцах лучших членов нашей Церкви.

В Пустыньке много было не так, как там, дома, в пустыне жизни. Там придешь в храм, переполненный людьми, и тебя никто не спросит, откуда ты, какая у тебя нужда; здесь тебя встречают как родного, знакомого, с вниманием и любовью. Там как потребитель стоишь и слушаешь: за тебя читают, за тебя поют, за тебя причащаются; здесь все участвуют в богослужении, все — священники. Батюшка служит не вместо народа, приехавшего к нему, а вместе с народом, постоянно вовлекает всех в службу и словом и делом. Много раз он выходит, вернее вылетает, легкий, как пух, из алтаря и обращается с воодушевлением и сиянием к молящимся: «Поем всею Церковью. Постараемся все как один петь, — продолжает батюшка, — за тебя приносится Жертва. Тебе нужна помощь Божия. Не будь слушателем, а участником»*.

Потом следует опять призыв батюшки: «Наступают минуты, когда мы будем петь «Тебе поем...», старайтесь, братья и сестры, петь как один, как одно сердце, как одни уста, открытою верою, уверенною бодростью. Проявим Господу Богу нашему преданность».

И все поют не только «Верую» и «Отче наш», а всю службу от начала до конца.

Удивляли приезжих молитвы, произносимые о. Таврионом во время богослужения, которых они в своих храмах ни разу не слышали из уст священников. «Благодарим Тебя и за это общее служение, которое Ты благоволил принять из рук наших...» В древней Церкви эти молитвы всегда читались вслух предстоятелем от лица народа, но постепенно в процессе начавшегося расцерковления они превратились в так называемые тайные молитвы, которые многие священники читают про себя в алтаре или просто опускают. Отец Таврион позволял в богослужении и импровизации: вставлял свои молитвы, имея на это вдохновение и силу.

Видишь как мешает батюшке массивная алтарная перегородка летнего Спасо-Преображенского храма; открыты и не закрываются во все время богослужения царские врата и диаконские двери. Тут-то и понимаешь суетность всех наград с отверстыми вратами «до» и «после»; как все это мимо того, что действительно нужно для воплощения смысла и духа богослужения. Богослужение — это наше активное молитвенное общение с Богом и ближними. «Так давайте же, — как бы говорит батюшка, — не прятаться ни от Бога, ни друг от друга. Предстанем пред Богом все вместе, открытыми во всем».

Открытости в те времена боялись очень, здесь же рушились видимые и невидимые перегородки жизни и являлось чудо единения, которого желало сердце и которому оно верило.

Отец Таврион во время богослужения в постоянном общении с народом, почти всегда стоит к нему лицом. Евхаристические возгласы «Горе имеем сердца», «Благодарим Господа» вопреки современной практике произносит, стоя лицом к народу.

Евангелие читает лицом к молящимся вначале на церковнославянском, а затем на русском языке, чтобы разрушить еще одну преграду. Батюшка читает Евангелие так живо и проникновенно, осмысленно, как будто написал его сам. Это потому, что он реально встретился со Христом и живет Им, и все, что он делает, имеет дух свидетельства.

По прочтении Евангелия начинается живое истолкование услышанного отрывка. Батюшка диалогизирует свое слово: задает себе много вопросов от лица народа и отвечает на них. Говорит он с закрытыми глазами, с улыбкой, словно слушая свой внутренний голос. В такой форме слова опять проявлялось его желание сохранять ритм живого общения с молящимися. Слово его не просто о Любви, оно — само свидетельство Любви. Он постоянно говорил о самом главном в жизни христианина — соединении со Христом в таинстве Евхаристии.

«Новый Завет с Чаши начался. Агнец Божий закалается за нас. Видимо, мы так дороги Богу, что нужен этот Агнец Божий, Сын Божий. Видимо, мы великие грешники, что ничем нас нельзя простить, а только жертвой Сына Божия, Который за нас закалается. Нет других средств нас освятить, как Таинственной Чашей — Телом и Кровью Сына Божия. О чем это говорит? Говорит о том, как мы должны ревновать об этом, как мы должны дорожить такими благодатными возможностями и как мы должны строить новую нашу благодатную жизнь. Начнем жить по-новому. Как хорошо! А какая светлая радостная надежда у нас будет! Слава Богу!»

Перед пением «Тебе поем», перед евхаристическим канонам батюшка опять призывает всех к тишине размышления, к особой сосредоточенности, к глубокому осмыслению творимой всеми молитвы «о всех и за вся» и предстоящего причащения Тела и Крови Христа, т. е. соединения с Ним и со всеми ближними.

«Вот наступают величайшие минуты Литургии — «о всех и за вся». Нужно, чтобы эта молитва была за весь мир; чтобы этой молитвой Господь сохранил мир, его бытие, потому что вы сами знаете, в каком положении теперь находится человечество, вообще все.

Требуется такая сила, которая бы сохранила человечество от жуткого, отчаянного момента.

Кто же сохраняет мир в его равновесии? Чаша Христова.

Если вы действительно этому миру могущественной силы желаете, то только ваше усердное причащение сохраняет мир и его бытие. Господь не допустит уничтожения мира.

Что дает нам Чаша? Святость. Чаша дает нам здоровье, дает нам бессмертие. Чашей мы

служим миру. Никто так не послужит миру, никакой изобретатель, никакие труженики, никакие средства так не послужат миру, как мы своим причащением. Почему?

Ты, человек, восстанавливаешься во всей полноте. И эту полноту не для самого удовольствия получаешь. Ты Господу приносишь молитвы: «Твоя от Твоих... о всех и за вся». Поэтому с верой будем приходить к Чаше, имея в виду то, что мы вот в храме Божиим имеем благодать, а сколько в этот самый час несчастных в тюрьмах, в трудных тяжких обстоятельствах, работах. А сколько в домах умалишенных, сколько трудностей у людей! Вы приходите с такими трудностями за себя и за своих близких, а сколько едят еще.

И вот с этим сознанием нужды, сознанием облегчить все эти страдания, предохранить мир, чтобы он себя не взорвал, мы и стоим здесь в величайшей, глубочайшей уверенности в могущественную Силу Божию.

Вот как мы крепко стоим! Господь Сам приходит в наше сердце. Вот твоя награда, твое предназначение. Будем этой жизнью жить. И апостол Павел призывает нас к ней: «Прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии» (1 Кор 6: 20).

Мы должны этой молитвой жить. За тебя умер Христос. Этим живи, этим возрождайся».

Во исполнение этого призыва батюшка служит Евхаристию каждый день. Насущный Хлеб, Которого просим у Господа в «Отче наш», даруется в таинстве Евхаристии молящимся в храме ежедневно.

Ежедневное причащение в Пустыньке, введенное о. Таврионом, многих соблазняло — и пастырей, и пасомых, соблазняет и по сей день, как противоречащее сложившейся литургической практике. Сами они исходили в своем служении из сложившейся практики причащения — один раз в год на Пасху или по предписанию филаретовского катехизиса — четыре раза в год. Но, по словам Киприана Карфагенского, «обычай без истины есть только старое заблуждение».

Отец Таврион понимал природу, смысл и дух таинства Евхаристии, поэтому вернулся к древней практике участия всех христиан в Трапезе Господней за каждым собранием общины. Он так подготавливал молящихся своим таинствоводственным словом, что они не могли не участвовать в Таинстве Евхаристии, никому не хотелось выпасть из единения со всеми, лишиться той Радости, Силы и полноты, которые сообщаются каждому в совместной молитве и участии в Трапезе Господней.

Все участники евхаристического собрания подходили к Чаше и, вкусив Тела и Крови Христовой, становились единым телом во Христе.

К этому евхаристическому опыту впервые приобщались тысячи паломников, сознавая свой прежний грех индивидуализма, и можно представить их скорбь, когда они, возвращаясь в свои храмы с порывом продолжить такой опыт евхаристической жизни, не могли его осуществить. Помню, как будучи таким же вдохновленным в Пустыньке по возвращении в Москву в своем Никольском храме на Рогожском кладбище получил замечание священника по поводу моего частого причащения. Он искренне считал, что подобно огненному херувиму стоит на страже истинного благочестия и, может быть, хотел сказать, что часто причащаться — есть страшный грех.

Такое церковное сознание было разрушительным для Церкви, и нужны были большие усилия и старания, чтобы его начать изменять и утверждаться в духоносной традиции древней Церкви.

Когда заканчивалась Трапеза Господня, все участники ее покидали храм и шли в трапезную для паломников напротив кельи о. Тавриона под соснами, где в простой аскетической обстановке совершалась агапа — трапеза любви. Она была удивительна своим духом служения друг другу в любви. Здесь тоже, как и в храме, служили все, потребителей не было: миски с кашей, чашки с чаем передавались из рук в руки, все убрали и мыли посуду.

После агапы служение продолжалось. Братья и сестры включались в повседневные дела пустынниц. Одни брали ведра и шли за водой, другие оставались в трапезной помогать готовить ужин, третьи шли на сенокос, на огороды, в сосновый лес собирать грибы и ягоды, на скотный двор, кто-то помогал о. Тавриону в его постоянных трудах по благоустройству жилищ для паломников.

День проходил в трудах и молитве, в общении с собратьями, узнавании друг друга. Вечером по звону колоколов все опять собирались служить в храме, слушать духовные беседы батюшки.

Эта прослоенность богослужения краткими и не краткими живыми беседами, порой замечаниями, являлась воплощением призыва апостола Павла постоянно проповедовать «во время и не во время» (2 Тим 4: 2). Богослужения о. Тавриона становились таким образом и службой научения. Отец Таврион понимал, что Церковь вновь должна вступить на путь учительства, от Нее ждет живого слова изверившийся народ.

Как нужно ему изучить и познать заповеди Божии, ибо, по слову мудрецов, «невежда не умеет остерегаться греха; неуч не может быть благочестивым». Батюшка преподносил это слово своим слушателям щедро и радостно, в простой, доступной, легкой форме.

Прожив так день в Пустыньке, все испытывали чувство внутренней полноты, мира душевного и покоя. Ничего суетного, лишнего, ни в делах, ни в словах, все всерьез. Поистине, христианство есть такая жизнь, в которой все всерьез.

В дне батюшка обязательно выкраивал время для выслушивания тех, кто особо нуждался в духовной поддержке и советах. Кому отдавались часы выслушивания, кому минуты. К сожалению, из-за многолюдства выслушать каждого на исповеди было невозможно, поэтому батюшка прибегал, как и о. Иоанн Кронштадтский, к общей исповеди. Он ее проводил так, чтобы здесь, вот сейчас пробудить душу человека, чтобы он прозрел, не просто увидел грехи свои и назвал, перечислил их, а понял свое духовное, нравственное состояние, понял, что нет у него того, что должно быть.

«Ты сосуд. Ты должен быть наполнен. Чем? Любовью. Вспомни святость, простоту, чистоту детства. Надо это вернуть».

Он ставил в пример блудницу, пришедшую ко Господу: «Грешница пришла ко Христу, учителю нравственности, и молчанием молилась. И что же Он делает? Порицает ее? Зачем? Она пришла к нему с любовью. Она слезами и целованием ног Иисуса говорит: «Моя природа — любить Тебя. Это все счастье. Смысл жизни. Вот с этой природой я прихожу к Тебе. А все остальное было насилием надо мною, тиранией дьявола».

Если с таким чувством будем подходить к Чаше Господней, это и будет нашим благодатным возрождением. Это надо осознать. Любишь ли ты Бога? Проверь. Любим ли Бога? Любим, любим и будем любить Тебя, а то, что было с нами — это не наше, это была тирания над нами, надо мной. Она приходила с такой душой.

Надо искать любовь ко Господу, проверять себя, находить прекрасное в нашей душе, то, что мы

любили с самого раннего нашего детства. Итак, иди на исповедь и к Чаше только с любовью».

Каждый чувствовал на исповеди, что батюшка видел его насквозь, видел его грехи, но он не спрашивает о них, видя, как сердце, которое уже любит Господа, плачет и просит прощения у Него.

Спасо-Преображенская пустынька находится в инославном крае, здесь живут католики, лютеране. Отец Таврион относился к ним как сын Вселенской Церкви, с полной открытостью и любовью, как к братьям во Христе. Узы любви связывали его со старейшим католическим епископом, великим исповедником, впоследствии кардиналом, Юлианом Вайводсом. Однажды епископ подарил батюшке икону апостолов Петра и Павла, на обороте которой сделал такую надпись: «Это память братской экуменической встречи папы Павла VI с вселенским православным патриархом Афинагором в Иерусалиме. 5. 01. 1964 года». Незадолго до своей кончины о. Таврион тепло поздравил епископа Юлиана в день его шестидесятилетия в священном сане.

Любовью батюшка разрешил, казалось бы неразрешимый вопрос духовной жизни католика Антония В., отца православного священника — латыша. Он ходил на службы в костел, но ему не разрешали причащаться, потому что был не венчан: жена — православная, не хотела венчаться в костеле. Когда он познакомился с о. Таврионом через свою супругу, которая была духовной дочерью батюшки, то начал регулярно посещать Пустыньку. Отец Таврион принял его с любовью и допустил его на службы, на исповедь. Антоний сам пожелал причащаться в Пустыньке. Отец Таврион давал ему свободу выбора обряда веры, не уклоняясь в прозелитизм. Отец Таврион венчал Валентину и Антония в своей келье.

После смерти о. Тавриона новый духовник Пустыньки уже не допускал к Чаше Антония. Это его смутило, и он перестал ездить в Пустыньку. Ныне старец, Валентина и Антоний покоятся в Пустыньке. В Царстве Любви они вместе.

Отец Таврион как верный христианин много и славно потрудился, чтобы вывести нашу Церковь из того духовного тупика, в который она вошла. Он учил приходивших к нему из пустыни жизни и простых, и ученых людей жить церковно, т. е. в Духе и свободе, творчески. Не должно быть никаких «винтиков», все люди должны быть личностями, ибо всем дан великий дар — образ Божий. Исказить его — значит отказываться от жизни с Богом, а без Бога — жизни нет.

В начавшемся духовном преображении России о. Таврион участвовал смело, с дерзновением, и многие удивлялись этой смелости, но сами не имели мужества поступать так.

В новых условиях жизни нашей Церкви труды о. Тавриона уже принесли и приносят свои плоды: в некоторых местах России ныне возродилась и возрождается общинная и евхаристическая жизнь, апостольский миссионерский дух.

В Москве несколько лет назад родилось Преображенское братство, светлый, творческий дух которого сродни духу Спасо-Преображенской пустыньки времени служения в ней о. Тавриона, великого исповедника православной Церкви, духоносного старца, истинного сына Вселенской Церкви, святого нашего уходящего века.

Владимир Набоков: Молитва

Поэзия

Пыланье свеч то выявит морщины,
То по белку блестящему скользнет.
В звездах шумят древесные вершины,
И замирает крестный ход.
Со мною ждет ночь темно-голубая,
И вот из мрака, церковь огибая,
Пасхальный вопль опять растет.
Пылай, свеча, и трепетные пальцы
Жемчужинами воска ороси.
О милых мертвых думают скитальцы,
О дальней молятся Руси.
А я молюсь о нашем дивном диве,
О русской речи, плавной, как по ниве
Движенье ветра... Воскреси!
О, воскреси душистую, родную,
Косноязычный сон ее гнетет.
Искажена, искромсана, но чую
Ее невидимый полет.
И ждет со мной ночь темно-голубая,
И вот, из мрака, церковь огибая,
Пасхальный вопль опять растет.